

«ХЛОРОФИЛИЯ»

АНДРЕЙ
РУБАНОВ

Андрей Викторович Рубанов
Хлорофилия
Серия «Хлорофилия», книга 1

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=186582
Хлорофилия: Астрель, АСТ; 2009
ISBN 978-5-271-25283-9, 978-5-17-061180-5*

Аннотация

Эта книга взорвет ваш мозг.

Эта книга рассказывает о том, как Москва заросла травой высотой с телебашню.

Эта книга рассказывает о том, как русские сдали Сибирь в аренду китайцам.

Эта книга рассказывает о том, как люди превращаются в растения.

Эта книга рассказывает о временах, которые наступят, если каждый будет думать только о своих аппетитах.

Добро пожаловать в Москву.

Добро пожаловать в Хлорофилию.

Содержание

Часть 1	4
1	4
2	22
3	44
4	68
5	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Андрей Рубанов

Хлорофилия

Часть 1

1

– Очень хочется пить, – сказал Савелий.

– Держи. – Варвара протянула бутылку воды, обогащенной витамином А. – Утоли жажду жизни. Как тебе сегодня моя внешность?

– Я в восторге, – без восторга ответил Савелий. Он терпеть не мог интерактивный макияж.

– Разве я не сексуальная?

– Успокойся. Сексуальная.

Он прибавил ход и перестроился.

На тридцатом километре стебель рос совсем рядом с дорожным полотном – мощный, темно-зеленый, уходящий, казалось, прямо в центр неба. Варвара задрала голову и элегантно поежилась.

– Вблизи они выглядят просто ужасно. Чешуйчатые. Как будто из земли торчит змеинный хвост.

– А ты не разглядывай, – посоветовал Савелий. – И вооб-

ще близко не подходит. Примут за травоядную.

Варвара заметно обиделась и гордо выпятила грудь.

– Я что, похожа на травоядную?

– Нет. Но все равно.

– Говорят, она с каждым годом все выше. Трава.

– Да, – ответил Савелий. – Трава выше, тень гуще. Бледных все больше. Скоро мир рухнет. Останется только трава и те, кто живут выше сотого этажа. Китайцы и их подручные.

Варвара, невеста Савелия, никак не походила на травоядную женщину. Травоеды обоих полов – особенно если принадлежали к бледным слоям населения – всегда выглядели преувеличенно бодрыми. Они шутили и непрерывно пританцовывали, одевались небрежно и норовили создать очереди возле каждого дешевого уличного солярия. А Варвара, как полагалось женщине с семьдесят пятого этажа, была томная, даже немного вялая. Эта специальная анемичность, неверность движений, манера говорить негромко и лениво считалась среди молодежи верхних этажей особенным шиком. В комплект достоинств входили красивые сильные плечи и необычайно высокие грудки, упругостью сходные с теннисными мячиками.

«У меня полно времени, – подумал Савелий. – Не свернуть ли на обочину? Не использовать ли даму по прямому назначению? Красивая девушка, все при ней, в редакции завидуют...»

На подъезде к Юго-Западной скоростной эстакаде – как

обычно, как вчера и позавчера, как десять лет назад – глазам Савелия открылась огромная, в полнеба, ярчайшая (невозможно отвести взгляд) и при этом удивительно ненавязчивая, спокойных коричневых и зеленых цветов, голографическая инсталляция: стройная женщина с приятным лицом, бесконечно делающая один и тот же мягкий жест рукой, а над ней, под ней, сквозь нее, вокруг нее проступал, словно из воздуха, словно бы из самого здешнего жизненного уклада, основной лозунг, который уже много лет как объединял обитателей Москвы:

ТЫ
НИКОМУ
НИЧЕГО
НЕ ДОЛЖЕН

И как обычно, как вчера и позавчера, как десять лет назад – Савелий улыбнулся и ощутил легкость. Все просто. Напиши в небе огромными изумрудными буквами простую фразу из пяти слов – и народ будет счастлив.

Здесь тебя все любят и ничего не ждут взамен. Здесь ты никому ничего не должен.

Никто никому ничего не должен. Никто не обязан. Никто не согнут под бременем необходимости.

На перекрестке Петросяна и Дубовицкой встали в заторе. К открытому по случаю теплого сентябрьского дня окну машины подбежал полуголый дилер, очень бледный, очень веселый, типичный травоед со стажем не менее чем в пять лет;

грудь, спина и плечи сплошь покрыты давно вышедшими из моды трехмерными татуировками.

– Четвертая возгонка, – пробормотал он, улыбаясь.

– Уйди, – попросил Савелий.

– Недорого, – продолжал бледный поставщик радости. – Могу за наличные, могу по дружбе.

Савелий закрыл окно. «Кому нужна твоя дружба, убогий? Я Савелий Герц, специальный корреспондент журнала «Самый-Самый», моего расположения ищут тысячи людей».

– Лично я, – заметила Варвара, – вообще никогда не разговариваю с бледными.

– По-твоему, они не люди?

Тем временем дилер, ничуть не смутившись, клоунской походкой направился к следующему экипажу, по пути поправляя болтающийся на поясе глушитель полицейских сигналов.

«Четвертая возгонка, – подумал Савелий. – Какая гадость». Вся московская богема уже год, как не опускается ниже седьмой. И вот-вот обещают восьмую. А на девяностых этажах, в царстве самых богатых, уже в ходу девятая, и эта девятая возгонка, по слухам, – что-то удивительное. Капсулы замаскированы под таблетки витамина А, одной дозы хватает на два дня, и использованы особые эффекты: ни при каких обстоятельствах ты не выглядишь травоедом. Не подпрыгиваешь от приливов энергии, не отпускаешь остроумные шуточки, не улыбаешься, не размахиваешь руками и трижды в

день ешь обычную пищу, как добропорядочный гражданин. Но внутри себя – там, где твоя душа, в глубине «я», в голове, в сердце, – там тебе так хорошо, как никому никогда не было.

Еще говорят, что шеф Савелия и Варвары, издатель и главный редактор журнала «Самый-Самый», могущественный и отвратительный Пушкин-Рыльцев, безжалостный разрушитель чужих карьер, потомственный обитатель девяносто первого этажа, в три слоя покрытый натуральным шоколадным загаром, блестящий столетний ум, уже полгода сидит на девятой возгонке.

Но это слухи, распространяемые завистниками. Савелию точно известно, что старик не употребляет.

Тронулись. В зеркале Савелий успел увидеть, как дилер отпрыгнул на тротуар и растворился в толпе.

Корреспондент журнала «Самый-Самый» Савелий Герц проезжал через этот перекресток уже несколько лет. Утром и вечером один и тот же человек продавал тут мякоть травы – сначала вторую возгонку, потом третью, теперь у него есть и четвертая, а через год, надо думать, появится пятая.

«Почему его никогда не арестуют? Почему, – поражаюсь Савелий, – я – профессиональный журналист, персоне, информированная донельзя, – не понимаю скрытых механизмов распространения главного зелья трех последних десятилетий? Почему в век тотального контроля, когда объективы двадцати пяти конкурирующих друг с другом полиций простреливают каждый метр пространства, когда каж-

дый смертный с младенчества имеет под кожей микрочипы, когда участники проекта «Соседи» сами с наслаждением контролируют собственную жизнь, – почему в то же самое время нищие бледные человечки, ничего и никого не опасаясь, на каждом углу готовы предложить тебе мякоть стебля в любых количествах? При том, что закон предусматривает десять лет тюрьмы за одну-единственную дозу?»

Ближе к центру Москвы трава пошла гуще. Находиться в тени было физически неприятно – Савелий прибавил ход.

Стебель рос на каждом свободном пяточке земли. Черно-зеленая чешуйчатая гадина двадцати пяти метров в поперечнике. И около трехсот метров высотой.

Стебли росли густо. Торжествующе покачивались на ветру. Отобрали все солнце. Заставили людей ощутить себя муравьями.

Савелий решил переключить мозги на что-нибудь более приятное и спросил:

– Как поживает твоя Маша?

– Кошмар, – тут же отозвалась Варвара, вчера просидевшая весь вечер в гостях у приятельницы, – домой пришла после полуночи, пропахшая мартини и фруктовым кальянным дымом (сейчас Савелий с удовольствием понял, что она считает себя виноватой). – Эта авантюристка взяла пятизначный аванс за книгу «Как выйти замуж за сибирского китайца».

– Что же тут кошмарного?

Варвара засмеялась:

– А то, что она понятия не имеет, как выйти замуж за сибирского китайца. Позвонила одной случайной знакомой, которая замужем за миллионером, директором действительно китайского колхоза. Апельсиновым плантатором из Магадана. Попросила совета. А та говорит: дура, кто ж такие вещи рассказывает? И вообще, сказала, не звони сюда больше, потому что я теперь не Наташка Гаврилова, а Цзин Шу, что в переводе означает «тихая березка» или что-то в этом роде...

– Ну и пусть вернет аванс, – сказал Савелий.

– Ха. Он уже потрачен. А книга – анонсирована.

– Тогда пусть эта великая сочинительница прочтет пару путеводителей, биографию Мао Цзэ Дуна и брошюру «Конфуций для “чайников”». Перескажет своим языком, остальное досочинит.

Варвара помолчала немного и возразила:

– Все равно нужен какой-то минимум конкретики. Хотя бы два-три реальных совета.

– Зачем? – удивился Савелий. – Чтобы выйти замуж за китайца, надо выучить китайский язык. Это минимум четыре года упорного труда. А дуры, желающие выйти замуж за сибирского китайца, не способны к упорному труду. Потому что хотят выйти замуж за китайца, именно чтобы не трудиться. Замкнутый круг! Твоя Маша ничем не рискует. Покупатели ее книги изначально не способны воспользоваться ее советами.

- О, – сказала Варвара. – Ты гений. Я немедленно звоню.
- Учти, я потребую долю с гонорара.
- Не выйдет. Наша беллетристка за копейку удавится.
- Тогда, – сухо ответил Савелий, – пусть и думает сама.

Пятизначные авансы брать умеет – значит, пора научиться и мозгами шевелить. Я гляжу, в последнее время писательниц многовато стало. В собаку кинешь – в писательницу попадешь.

Варвара посмотрела на него и спросила:

– А чего это ты так расшумелся?

– Того, – грустно ответил Савелий. – Чтобы написать роман, Гарри Годунов, если ты такого помнишь, специально переехал с шестидесятого этажа на пятый, в сырость и плесень, в самый дикий район, в болото. К конченным травоедам. И бесследно пропал.

– Чтоб бесследно пропасть среди конченных травоедов, – возразила Варвара, – много ума не надо.

Савелий усмехнулся. Спорить не хотелось, он не любил спорить. Тем более с подругой. Один жестокий хитрец сказал, что в споре рождается истина, – сколько миллионов часов провели, бесполезно сотрясая воздух, те, кто ему поверил?

Он повернул с проспекта. Впереди, меж слегка изогнутых зеленых столбов, появилась конечная цель поездки, место работы Савелия и Варвары – колоссальная пирамида ультрасовременного административно-жилого комплекса

«Чкалов».

Савелий вздохнул и включил радио.

«...Премьер-министр отметил, что индекс экономического благополучия поднялся на четыре процентных пункта, и особо подчеркнул, что нет оснований ожидать в ближайшее время замедления темпов роста благосостояния граждан. Контроль над финансовыми поступлениями из Восточно-Сибирской Свободной Экономической Зоны будет усилен. «Идеология абсолютного процветания предусматривает непрерывную индексацию рентных платежей с учетом инфляции и цен на основные продукты потребления. Китайцы будут работать и платить, а мы будем тратить и наслаждаться» – так премьер закончил свою речь. Выступление неоднократно прерывалось овациями... К другим новостям. Сегодня утром возле здания Министерства экономики состоялась мирная демонстрация сторонников освоения периферийных территорий. Собравшиеся – около двадцати человек – потребовали выделения средств и организации исследовательских экспедиций в Тверскую и Ивановскую области. Лидер собравшихся, известный популист Иван Европов, заявил, что ситуация, при которой все население России, страны с самой большой в мире территорией, сосредоточено в одной только Москве, является абсурдной. Митинг сторонников господина Европова продолжался около часа и закончился стихийным банкетом... О культуре. В

проекте «Соседи» продолжается беспрецедентный рост рейтинга популярности семьи Валяевых. Напомним, что Анастасия Валяева заявила сразу пятерым соискателям ее руки о своем согласии на замужество, причем двое из пятерых – отец и сын Гришко. В связи с этим рейтинг трансляций из апартаментов семьи Гришко также резко вырос. Как известно, лидером топ-листа по-прежнему остается семья Блоховатовых, где вчера состоялся крупный скандал по поводу раздела сумм, поступающих от спонсоров проекта. За трансляцией событий наблюдала аудитория в двадцать пять и семь десятых миллиона человек. Криминальная сводка. В Юго-Восточном округе Москвы вчера ночью группа злоумышленников пыталась произвести незаконную вырубку сразу четырех дикорастущих стеблей. Органами правопорядка задержано более ста участников акции, изъято и уничтожено семьдесят тонн субстанции, известной как «мякоть стебля»...

Савелий поймал себя на том, что иронически кривит губы. Чепуха, а не новости. В наши времена процветают все, кроме журналистов. О чем писать? Об очередной эскападе этого болвана Европова? Если его так беспокоит периферия, Ивановская область или как там ее, – пусть сам едет в дикие дебри, лично исследует безлюдные пространства и заброшенные города, где некому жить и где уже полвека хозяйничают медведи и волки.

Впрочем, гражданский гнев профессионального журналиста Герца быстро угас. Не было желания гневаться в такой

приятный день.

«Иногда, – подумал Савелий, – моя работа вступает в противоречие с содержанием моей жизни. Я очень люблю свою работу и терпеть не могу новости».

Автостоянкой на двадцать втором этаже дома «Чкалов» пользовались только те, кто в этом доме работал. Сейчас паркинг был почти пуст. Никто в Москве не работал до полудня. Только китайцы. Но у них имелись свои отдельные автостоянки.

У них имелись свои отдельные лифты, рестораны, увеселительные заведения, свои прачечные и зубоврачебные кабинеты. Только самые богатые выходцы из Восточно-Сибирской Свободной Экономической Зоны могли себе позволить жить в Москве, и эти миллиардеры жили не просто отдельно, но выше всех, на сотых этажах, в пентхаусах с полями для гольфа и вертолетными площадками. Почти все высотные дома в гиперполисе строились китайскими компаниями, из китайского железобетона и на китайские деньги. Даже самым оголтелым местным патриотам приходилось мириться с тем, что малочисленная китайская диаспора забирает себе лучшие места.

Савелий не считал себя оголтелым патриотом, он не любил завидовать и злобствовать, ему было все равно, где и как живут богатые китайцы. Он закрыл машину, подмигнул милиционерскому объективу, взял Варвару за руку и пошел к лифтам.

По мере подъема из полутемного ущелья, где царствовали въевшиеся во все горизонтальные и вертикальные поверхности нездоровые запахи стоячей воды и горелой электроизоляции, по мере продвижения вверх, к солнцу и свету, Савелий стал переживать сначала бодрость, потом легкую, на пределе чувствительности, эйфорию, а затем и почти восторг. Хорошо было возноситься к небесам – туда, где лазурь и облака, – в бесшумном скоростном механизме. Хорошо было наблюдать подмигивание кнопок, подсвеченных нежно-сиреневым. Хорошо было впитывать льющуюся с потолка тихую музыку, немного сладковатую, но, в общем, изящно придуманную и жизнеутверждающую. И совсем здорово было вдыхать запах стоящей рядом, вполоборота, здоровой молодой женщины – при том, что женщина считалась его, Савелия, невестой, любила его прямой и веселой любовью, и если бы сейчас он, предположим, с наигранно серьезным выражением лица ухватил ее за попку или даже (а что тут такого, черт побери?) запустил ладонь в ее штаны, оттянув ремешок из кожи питона, и поигрался пальцами в самых интересных местах, то женщина поощрила бы его покачиванием стана, смеживанием век и благодарной улыбкой.

– На шестидесятом этаже, – тихо произнес он, – есть новый экспресс-отель. Альковы с голосовым управлением. Давай забежим на полчаса.

– Нам не хватит полчаса, – возразила Варвара, и Савелий понял, что она размышляет о том же.

«Вдвоем думать одну и ту же мысль – это замечательно», – восхитился про себя корреспондент журнала «Самый-Самый».

– Мне – хватит. – Савелий улыбнулся.

– А мне – нет. Можем опоздать. Старик будет ругаться.

– На то он и старик.

Варвара вздохнула.

– Лучше потерпеть. Предлагаю просто зайти куда-нибудь и выпить.

На семьдесят седьмом, на уступе, он зашли в кафе, обожанное снобами из окрестных офисов (в основном адвокатских бюро и резиденций крупных продюсеров). Тут обслуживали живые официанты и открывался неплохой вид на город: стебли, у самой земли мощные, покрытые наполовину омертвевшей чешуей, здесь, на высоте двухсот пятидесяти метров, гнулись под ветром и собственным весом, мерно покачивались, и Савелий, задрав голову, увидел их глянцево отсвечивающие ярко-зеленые верхушки. На семидесяти уровнях уже можно было жить, тут сквозь зеленый часток кол пробивались горячие солнечные лучи. У самой ограды, над пропастью, полуразвалиясь, бездельничали завсегда таи, отхлебывая воду «Байкал-дабл-премиум» и наблюдая из-под руки за появлением и исчезновением в небе голографических реклам, обещающих по сходной цене все мыслимые и немыслимые наслаждения, начиная от подключения к проекту «Соседи» и заканчивая специальным предложением.

ем: два китайских «бентли» по цене одного, только в этом месяце и только для членов Партии Абсолютного Процветания.

Савелий подвинул спутнице кресло, сел сам, попросил свежесжатого сока – дыня с апельсином (плюс особый тоник по специальному рецепту бармена, ингредиенты держатся в секрете), вытянул ноги, чтобы всем – а главное, ему самому – были видны его новые, удобно облегающие ступни туфли, зажмурился от удовольствия (небо, ветер, полдень, XXII век) и позвал:

– Варвара.

– Что?

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже. Только подвинься немного. Ты загораживаешь мне солнце.

– Слушай, – Савелий выполнил просьбу, – ты ведь писала диплом по русской литературе XX столетия.

– Это было давно.

– Помнишь выражение «лакировка действительности»?

– Смутно.

Савелий помолчал и выдал:

– А я его вижу.

– Что именно?

– Лак.

– Я тебя понимаю, – кивнула умная Варвара.

– Мне кажется, – Савелий сменил удобную позу на еще

более удобную, – что все вокруг переливается.

– Ты просто выспался и отдохнул.

– Да. Смотри, какой смешной мальчишка.

– Не смешной, а модный. В этом сезоне все опять носят оранжевое и фиолетовое.

– А что носили в прошлом?

– Желтое и белое.

– А в позапрошлом?

– Лиловое. И трехмерные татуировки.

Герц тут же вспомнил чумазого дилера, давеча предлагавшего на перекрестке запрещенную дрянь, и ощутил угрозу личному психологическому комфорту.

«Надо реже бывать внизу, – решил он. – И ездить на работу, как все нормальные трудящиеся, по платным эстакадам на высоте двадцать пятого уровня. Дороговато, зато ты избавлен от необходимости наблюдать своих бледных соотечественников, обожравшихся мякоти, хихикающих, грязных, а главное, весьма многочисленных. Да, удручает не их вид, а именно количество. Причем бледных все больше. Это заметно всякому внимательному человеку...»

– Отличный день. – Он опять улыбнулся Варваре, снова перенастраивая себя на получение удовольствия. – У меня появилось вдохновение. Предлагаю выпить по бокалу шампанского. И пойдем. Сегодня нельзя опаздывать.

– Шампанское? – задумчиво протянула невеста. – В полдень? В понедельник? Нет. Мне воспитание не позволяет.

– Как хочешь. – Савелий встал, оттолкнувшись ладонями от подлокотников и успев отметить силу своих мышц-разгибателей. Прекрасные мышцы-разгибатели, прекрасное кресло, прекрасное утро.

Его подруга строила свою жизнь в рамках статуса «серьезной девушки из хорошей семьи», и ее любимая форма отказа предусматривала ссылку на «воспитание». Тем самым, считала Варвара, элегантно подчеркивалась ее независимость от мужчин. За спиной невесты Савелия Герца всегда словно маячили любящие, финансово благополучные папа и мама, а также апартаменты в двенадцать комнат, с бассейном, зимним садом и живыми слугами. На самом деле Савелий знал доподлинно, Варвара секретно презирала родителей за склонность к мещанству и с семнадцати лет жила отдельно. Дважды сходила замуж (обошлось без детей), собиралась посвятить жизнь сначала юриспруденции, затем борьбе за экологию, а потом дизайну и ваянию, пока не приземлилась в редакции ежемесячника «Самый-Самый», где выросла в первоклассную журналистку. Она надевала смелое платье, «включала леди» (ее собственное выражение) и добивалась откровенных интервью от таких людей, которые регулярно публично мамой клялись, что интервью никогда никому не дадут.

Сейчас Савелий и его женщина шли работать. Пробирались, подмигивая незнакомым и обмениваясь шуточками со знакомыми, сквозь благодушную нарядную толпу, где о ра-

боте думал примерно один из десяти. Даже на семьдесят седьмом этаже трудились только идеалисты-фанатики и те, кто очень любил деньги. Остальные твердо знали, что работать – удел китайцев. А жители Москвы родились, чтобы наслаждаться жизнью. В XXII веке гражданин России никому ничего не должен.

Савелий Герц тоже знал, что никому ничего не должен, и тоже очень любил наслаждаться жизнью (этому учили в школе мудрые и терпеливые педагоги), но он происходил из незначительной прослойки общества, когда-то называемой «интеллигенцией», а среди ее уроженцев считалось хорошим тоном что-то делать, утруждать себя ради общественной пользы, подталкивать прогресс. Савелию сызмальства внушили презрение к праздности.

Варвара же много раз признавалась, что ей плевать на общественную пользу, она работает только потому, что некуда девать энергию.

Несмотря на разницу в происхождении и во взглядах, они отлично ладили.

Выше поднимались не на лифте – на особом самодвижущемся эскалаторе. Медленнее, зато интереснее. Веселая беззаботность семидесятих этажей сменилась чопорностью и спокойными цветами восьмидесятих. Сюда бездельникам вход был заказан – неработающему гражданину восьмидесятые уровни были просто не по карману. Здесь почти все занимались делом либо проживали родительские капиталы

– но тоже осторожно и с умом. Никто не пританцовывал и не торчал по полдня в массажных салонах, торговых галереях и экспресс-отелях. Здесь кое-кто выглядел мрачным. Можно было услышать брань и возгласы досады. Здесь квартировали крупные торговые компании, продающие нищим европейцам лес и байкальскую воду, а в шикарных кабинетах стряпали свои делишки посредники, распределяющие денежные «ручейки», поступающие через правительство из китайской Сибири. Распределители не «ручейков», но «рек» и «морей» сидели, разумеется, на девяностых уровнях: там, выше верхушек самых высоких стеблей, наслаждалась солнечным светом элита Москвы – самые богатые, самые влиятельные, самые ловкие и самые страшные люди.

На восемьдесят третьем они прошли через зал, устроенный так, чтобы всякий попавший сюда человек проникался специальной благородной меланхолией: негромко журчала вода в фонтанах, и подле высокотехнологичных каминов с живым огнем в глубоких креслах сидели дочерна загорелые мужчины и женщины, озабоченные не расходом дармовых китайских денег, а их приумножением. Улыбаясь друг другу, они демонстрировали зубы, покрытые, по последней моде, ярко-красным лаком.

Савелий толкнул дверь из карельской березы, пропустил вперед Варвару и вошел в помещение редакции одиознейшего, скандальнейшего и популярнейшего московского журнала «Самый-Самый»

Всякий переступивший порог редакции первым делом видел местную достопримечательность – известное всей Москве кресло чиппендейл, крытое лоснящейся кожей. Сделанное на заказ, оно было ровно в два с половиной раза больше, чем любое другое обычное кресло. Три метра высотой. Героев очередного номера журнала фотографировали в лоне гиганта либо на его фоне: это считалось честью, при том что персонажи интервью, по контрасту с циклопическими подушками и подлокотниками, выглядели, как правило, малолетними хулиганами либо девочками-хорошистками с плотно сжатыми коленями. Посредством уникального кресла здесь культивировалось парадоксальное остроумие: мы напишем, что ты самый-самый, но увековечим в виде дурака. согласишься – стало быть, ты и есть настоящий, сто-процентный самый-самый.

Савелий и Варвара прошли дальше, в залитый светом общий зал. В редакции презирали кабинетную систему, люди работали на глазах друг у друга. В сотрудника, ведущего сверхважную телефонную беседу, могли бросить комком бумаги или апельсиновой кожурой. Во-первых, чтобы расслабился, а во-вторых, чтобы не забывал: нет и не бывает ничего сверхважного. Есть только самое-самое и все остальное.

Здесь, в ожидании начала еженедельного совещания, со-

брался мозговой центр скандального еженедельника. Те, кто, собственно, и создавал каждый номер. Маленькая Валентина Мертваго, редактор отдела новостей, и два журналиста-универсала: Пружинов, узкий брюнет с холодным взглядом, безжалостный сноб, знаменитый сумасшедшей работоспособностью, и его антипод Гоша Деготь – неряшливо одетый, с потухшим взглядом. Оба маэстро – вместе с Савелием и Варварой – тянули на себе всю творческую часть: интервью, репортажи, аналитику, но если блестящий Пружинов только набирал вес и считался в профессиональном сообществе первостатейной восходящей звездой, то Гоша Деготь, хоть и выдавал шедевры, быстро скользил в обратном направлении. Много пил и недавно пережил развод. Сейчас он единственный из всех не улыбнулся вновь прибывшим.

У стены на стуле пристроился смутно знакомый Савелию мальчишка с оранжевыми волосами. Герц сообразил, что именно эти волосы обсуждал с Варварой полчаса назад в баре на семьдесят пятом уровне.

– Наконец-то, – звучно провозгласил Пружинов. – Старик без вас не хочет начинать.

Тут же из-за полуоткрытых дверей конференц-зала слышался скрипучий фальцет:

– Что там? Соизволили прибыть наши голубки?

– Так точно! – крикнул Герц.

– В задницу твою «точно»! Заходите, начнем.

Все, включая загадочного юношу, торопливо вскочили и

прошли, едва не толкаясь локтями, в соседнее помещение, где во главе стола в новейшей китайской инвалидной коляске поджидал свою паству, своих детей, своих рабов маленький старик со скрюченным телом мумии. Два десятка длинных волос, уцелевших на сером, в пятнах пигментации, черепе, были забраны сзади в косицу, непомерно длинные пальцы, лежащие на ручках управления, хищно шевелились. Сколько ему лет – знал только он один, официальный возраст был сто три года.

Шеф-редактор и владелец журнала «Самый-Самый» Михаил Евграфович Пушкин-Рыльцев выглядел как человек, в юности сочинявший стихи о любви, но однажды резко завязавший со стихами, любовью и юностью. В гостиной его квартиры – Савелий сам видел – за антикварным ломберным столиком сидели голые по пояс голографические модели Зигмунда Фрейда и Карла Маркса – играли в «Монополию» на щелбаны.

Глядя в огромное окно, шеф ждал, пока все рассядутся. Гоша Деготь дернул Савелия за рукав и прошептал:
– Ты мне сегодня нужен. Вечером. Приезжай. Только обязательно.

– Что случилось? – осторожно поинтересовался Герц.

– Ничего. Но это очень важно.

Савелий уловил запах перегара. Удержался – и от того, чтобы поморщиться, и от того, чтобы удивленно поднять брови. «Очень важное ничего». Как раз в стиле нынешнего

Гоши.

– Герц! – каркнул Пушкив-Рыльцев. – Прими вправо! Ты загораживаешь нашему трезвеннику солнце.

Гоша Деготь побагровел. Сидящая напротив Варвара поджала губы, чтобы не улыбнуться. Незнакомый мальчишка, наоборот, улыбался во весь рот.

– Все понял, – сказал Савелий Гоше. – Я приеду. Извините, шеф.

– Сам ты шеф, – отбил Пушкив-Рыльцев.

– Я не шеф, – мирно возразил Герц.

– Тогда сиди и не хрюкай.

Пружинов фыркнул.

– Начнем, – провозгласил старик.

Гошу Дегтя в редакции жалели и презирали. Именно в такой последовательности. По крайней мере сам Савелий, заведя угрюмого сутулого Гошу, испытывал сначала сильную жалость – как если бы Гоша имел какой-либо физический недостаток типа косоглазия, – а потом, сразу, столь же сильное презрение, поскольку Гоша в своем косоглазии был сам виноват.

Семь лет назад Гоша вступил в экспериментальный проект «Соседи». По заданию редакции. В квартире Гоши установили пятьдесят миниатюрных видеокамер. Наблюдать за подробностями Гошиной жизни, включая самые интимные детали, мог любой участник проекта «Соседи». И наобо-

рот, сам Гоша, включив телевизор, получал доступ к первоклассным цветным трансляциям из квартир нескольких тысяч прочих участников затеи. Проект был коммерческим: семьи, чье существование вызывало интерес у наибольшего количества наблюдателей, попадали в особый рейтинг и получали от спонсоров одежду и бытовую технику.

Гоша Деготь считался зубром журналистики. Его первые статьи о проекте «Соседи» взхлеб читала вся Москва. Гоша стал подтянут, красиво одевался, бросил пить и сквернословить. Еще бы, ведь за ним круглосуточно наблюдали (надо сказать, что отказ от ругани дался ему с трудом – журналисты все страшные матерщинники). Гоше завидовали. Спустя год проект разросся и стал бешено популярным. В «Соседи» записывались десятками тысяч – в основном нижние этажи, бледные слои населения. Число преступлений на бытовой почве резко сократилось. Органы правопорядка торжествовали. За первые три года в проект вошли две трети населения гиперполиса. Гоша Деготь издал книгу «Я ваш сосед», затем еще одну, обе стали бестселлерами. Однако на исходе третьего года со звездой журналистики что-то произошло. Поведение звезды изменилось. Когда-то ухоженный импозантный мужчина, само обаяние и остроумие, он перестал следить за собой, не причесывался и избегал появляться в собственном доме – проводил время или на работе, или в баре за стаканом алкоголя.

В то время в рейтинге «Соседей» первое место стабильно

занимала семья Петуховых: агрессивный папа Петухов, истеричная мама Петухова, бабушка-алкоголичка и три взрослые дочери, все нимфоманки. Женихи дочерей непрерывно менялись, букмекерские конторы принимали ставки на срок сожительства с тем или иным молодым человеком. Никто из семьи давно нигде не работал и вообще не покидал обширной квартиры – входную дверь открывали только, чтобы принять от спонсоров очередную кофеварку. Однажды, спустя неделю после грандиозного банкета, посвященного пятой годовщине проекта, папа Петухов – к тому моменту миллионер в рублях, долларах и юанях, – дождавшись прайм-тайма, забаррикадировал окна и двери, взял топор и с криками: «Я не Петухов, я – Раскольников!» – зарубил насмерть и жену, и бабушку, и трех дочерей. Казнь смотрела рекордная аудитория в восемнадцать миллионов. Пульт оперативного дежурного по городу сгорел от пяти миллионов одновременных входящих звонков.

По личному приказу тогдашнего премьер-министра проект «Соседи» был закрыт.

Следующий месяц вошел в новейшую историю страны как «кровавый июль». Около тысячи человек, бывшие участники проекта, главным образом люди преклонного возраста, покончили с собой, более пяти тысяч объявили голодовку, десятки тысяч вышли на улицы. Премьер лишился кресла. Проект возобновили. Интеллектуалы с семидесятых и толстосумы с восьмидесятых этажей презирали «Соседей». Са-

мо слово стало бранным, за невинное когда-то обращение «сосед» можно было получить по физиономии. Но семью Петуховых сменила в топ-сто другая, столь же достойная, семья.

Гоша Деготь, давно вышедший из проекта, весь последний год писал книгу «Нет, я не ваш сосед!!!», но вдохновение покинуло мэтра, а издатели не проявляли интереса, поскольку всерьез связываться с «Соседями» никто не хотел. Система, где граждане сами с наслаждением подглядывают друг за другом, была выгодна всем. Одно время поговаривали, будто создатель «Соседей» – глава акционерной компании «Двоюродный брат» миллиардер Голованов – вот-вот получит государственную премию.

Савелий не любил тех, кто жалеет себя. А Гоша Деготь – когда-то отличный малый – теперь только и делал, что вздыхал и заглядывал всем в глаза, ища сочувствия. Его карьера была погублена. Едва он отваживался опубликовать очередной материал – хотя бы невинный репортаж с выставки декоративных собачек, – как интеллектуалы заваливали редакцию письмами с требованиями вышвырнуть «этого соседа» вон. Телевизионщику Маркину, ведущему программы «Кумиры прошлого», Гоша едва не сломал шею в ответ на предложение поучаствовать.

Дело осложнялось тем, что Савелий был товарищем Гоши Дегтя.

– Господа! – провозгласил старик, грубо откашлявшись. – Прежде чем начнем, я сделаю сообщение. Нашего полку прибыло. В журнале новый сотрудник. Знакомьтесь. Филипп.

Мальчишка откинул со лба оранжевую прядь, встал и кивнул. Юный, гладкий, загорелый, пахнувший ультрамодной туалетной водой «Солнце страсти». Волосы до плеч, удлиненное лицо со слабыми, но все же заметными признаками вырождения, фиолетовая рубаша с интерактивными аппликациями – эдакий индустриальный херувим.

– Четвертый курс университета, – продолжил шеф, – отличник и прочее. Взят на испытательный срок. Кликуха его будет Филиппок. Ты не против, о прекраснейший?

Новичок покраснел и опустил глаза.

– Чудненько, – провозгласил Пушкин-Рыльцев и поморщился (видимо, тоже унюхал тяжелый аромат, специально рассчитанный на семнадцатилетних девочек, обожающих шоколадки и песенки в исполнении томных блондинов). – Итак, сначала о главном. – Старик вздохнул и задрал подбородок. – Камрады! Завтра у нас большой день. Юбилей! Нам тридцать лет! А через две недели мы должны сдать праздничный номер. И это, – шеф обвел паству тяжелым взглядом, – будет сумасшедший номер. Бешеный. Не имеющий, черт побери, аналогов. Насчет полиграфии я уже договорился, у нас будет обложка с трехмерной графикой и каждая страница – с отдельным запахом... Но про всю эту ерунду –

потом. В данный момент меня волнует содержание. Сейчас каждый из вас встанет и выскажет гениальную идею. Другие не принимаются. Только гениальные. Начнем с дам-с. Валентина, прошу.

Валентина переглянулась с остальными и тихо произнесла:

– Пусть скажет Варя.

– Да, лучше я. – Варвара встала и прижала руки к груди. – Идея есть. Одна на всех. Мы вместе думали несколько дней. Идея такова. Михаил Евграфович! Весь юбилейный номер будет посвящен вам.

Коллектив энергично зааплодировал, причем громче всех хлопали Пружинов и новичок. Но Пушкин-Рыльцев, сначала изумленно вскинувший мохнатые брови, одним мановением ладони установил тишину.

– Мне? – с отвращением переспросил он. – Что за бред? То есть я вас понимаю, ребятки, спасибо и так далее, но это невозможно. Варя, сядь. Следующий!

– Это не я придумала, – проигнорировав распоряжение, звенящим голосом произнесла Варвара. – Это общее решение. Каждый из нас напишет про вас текст. Далее – фоторепортаж о вашем кабинете, о вашей квартире...

– Общее решение? – перебил старик. – Вы все заодно, значит?

Коллектив расцвел улыбками. Старик выкатился из-за стола, подрулил к стене и резко развернул кресло. Сделался

хмур.

– В задницу общее решение. Этого не будет.

– Но почему? – воскликнула Варвара.

– Потому что, дети мои, журналюга не может писать о самом себе. Это неэтично. Я не могу допустить, чтобы мой собственный журнал публиковал обо мне статьи.

Пружинов поправил шикарный галстук.

– Мы решили, что сейчас – особый случай.

– В задницу такой случай.

Варвара села, шумно двинув стул.

– Мы настаиваем, – решительно заявила Валентина и посмотрела на Филиппка.

Тот энергично кивнул.

«Тебя пока никто не спрашивает», – раздраженно подумал Савелий.

Тем временем старик грустно вздохнул и произнес:

– Значит, бунт на корабле? Послушайте меня, мальчики и девочки. Для широкой публики я уже давно не существую. Каждый из вас мог заметить, что я подписываю псевдонимом даже колонку редактора. Знаете, что будет, если выйдет номер, целиком посвященный мне, грешному?

Над столом воцарилось молчание. Савелий понял, что у каждого есть свой вариант ответа и каждый решил оставить его при себе.

– Будет вот что, – желчно продолжил Пушкин-Рыльцев. – Люди удивятся и скажут: «Надо же! Оказывается, этот ста-

рый пердун еще жив!»

Юный стажер, не привыкший, разумеется, к манерам шефа, не выдержал и рассмеялся.

– Правильно, Филиппок! – воскликнул старик. – Это смешно! Я стар, я инвалид, я пукаю мхом и никому не интересен. Мне не нужна слава и портрет на обложке. Поэтому вашу общую идею я отметаю как неконструктивную. Материал о столетнем маразматике не укрепит наши позиции на рынке качественной прессы. Давайте что-то другое.

Сотрудники безмолвствовали.

Заговор был устроен еще неделю назад. Идейными вдохновительницами выступили редакционные дамы. Уговорились твердо стоять на своем и убедить патриарха любыми путями. Но сейчас все рухнуло: патриарх, как всегда, в две минуты подавил всех силой авторитета.

Савелий подождал несколько мгновений и заявил:

– У нас нет других идей. Мы хотим написать о вас, и только о вас. Потому что вы, Михаил Евграфович, и есть настоящий самый-самый. Уступите нам. Позвольте сделать то, что мы задумали.

– Нет, – ответил старик. – Еще одно слово на эту тему, и все присутствующие, кроме юного дарования, будут немедленно уволены.

Тишина стала гулкой, почти невыносимой. Потом Варвара – девушка дерзкая – швырнула на стол карандаш, достала из сумочки зеркало и демонстративно занялась рассматри-

ванием собственных губ.

– Раз других идей нет, – спокойно продолжил Пушкин-Рыльцев, снова подъезжая к столу, – слушайте мою идею. Мы найдем героев предыдущих юбилейных номеров, и не только юбилейных – всех наших лучших, ударных номеров, – и напишем о том, как сложилась их жизнь спустя десять или двадцать лет.

– Отлично! – тут же воскликнул Пружинин.

Присутствующие немедленно прожгли его взглядами.

– Кто еще согласен? – спросил шеф. – Ну? Я жду.

– Все, – вздохнул Савелий. – Все согласны.

– Тогда приступим к распределению задач. Я просмотрел вчера весь архив. Кое-что нашел. Первое: был когда-то такой юноша, Гарри Годунов, он написал роман и прогремел. Наш журнал писал о нем подробно. Потом гений объявил о начале работы над новым опусом и исчез.

– Не исчез, – поправил Савелий. – Переехал на нижние этажи. Стал употреблять мякоть стебля... и погубил себя. Он был моим товарищем. Это я писал о нем.

Старик кивнул:

– Найди его и узнай, что с ним.

– Я и так знаю. Он деградировал.

Пушкин-Рыльцев пошевелил остатками бровей.

– Это не ответ. Что значит «деградировал»? До какой степени? Может, он специально деградировал, чтобы описать свои ощущения. Может, именно сегодня он поставил точку в

книге, которую писал все эти годы, и сейчас, всеми забытый, прикидывает, как ему информировать человечество о своем новом великом творении. Разыщи его.

Савелий кивнул и посмотрел на подругу. Варвара показала ему кончик языка.

– Дальше, – грянул Пушкив-Рыльцев. – Был бизнесмен, придумал продавать горячие чипсы. Мы о нем писали. Разбогател неслыханно...

– Это был мой герой, – подал голос Гоша Деготь. – Отдайте мне. Только он скучноват для юбилейного номера.

– Вообще-то, – сказал шеф, – для тебя, Деготь, у меня особое задание. Я хотел, чтобы ты пошел к Евгению Голованову, главе корпорации «Двоюродный брат» и создателю проекта «Соседи»...

Гоша Деготь побелел и задрожал. Пушкив-Рыльцев улыбнулся.

– Ладно-ладно. Я пошутил. В «Двоюродный брат» пойдет Варвара. Разведка донесла, господин Голованов любит сексуальных брюнеток.

Варвара покраснела.

– Только тебе, маманя, – невозмутимо продолжил старик, – придется сделать чудо. Потому что Голованов, хоть и свинья тщеславная, меня ненавидит и уговорить его будет нелегко.

– Мне что же, – осведомилась Варвара, – заплатить за интервью натурой?

– Обсуди это с женихом, – хмыкнул Пушкив-Рыльцев. – Но Голованов в юбилейном номере мне очень нужен... Следующий кандидат – некто Глыбов, по прозвищу Продавец солнца. Создал сеть соляриев для малоимущих. Мы писали о нем десять лет назад, ему тогда было только двадцать девять.

– Я возьму, – вызвался Савелий. – С бизнесменами у меня хорошо получается.

Старик благосклонно кивнул, поморщился от резкого приступа некой старикинской хвори, перевел дух и продолжил:

– Наконец, главное. Когда все вы еще ходили в детский сад, в первом номере своего журнала я делал материал про доктора Смирнова. Это великий человек, чтоб вы знали. С ним я поработаю сам. Только мне нужны его координаты. Чтоб через час адрес и телефон лежали у меня на столе. Пока все.

– А мне что? – спросил Пружинов.

Пушков-Рыльцев пожевал губами.

– Тебе – специальное задание редакции. Будешь готовить банкет. Найди хороший кабак, где-нибудь на девяносто пятом уровне. Договорись, заплати, согласуй меню. Скажи там, чтоб не расслаблялись. Будет гулять журнал «Самый-Самый», и мы не потерпим на нашем торжестве коньяка моложе пятидесяти лет. – Шеф-редактор набрал в грудь воздуха. – Чтоб завтра все были при параде! Мальчики при бабочках, девочки декольте.

– Спереди или сзади? – поинтересовалась Валентина.

– Глупый вопрос. И там, и там! Минимум одежды – максимум надежды! Что, Филиппок? Я прав?

– Да, – отозвался новичок.

– Отлично. Напоследок давайте пробежимся по новостям. Огласите сводку. Сенсации, скандалы, небо упало на землю, китайцы ушли из Сибири с извинениями, – есть что-нибудь?

– Сводка скучная, – подала голос Валентина. – Я кое-что нашла, но...

– Говори.

Валентина раскрыла папку из настоящей бумаги (в шикарных редакциях – а редакция журнала «Самый-Самый» считалась в Москве самой шикарной – не было принято использовать пластик), тоненько прокашлялась и начала:

– Регулярный авиарейс «Чикаго – Москва» отменен по требованию американской стороны. По новым, только что вступившим в силу стандартам каждый аэропорт, где принимаются самолеты из США, должен быть оборудован специальными дверями и проходами шириной не менее семи футов, чтобы граждане США не застревали при движении. В очередной раз подчеркивается, что в случае застревания Соединенные Штаты готовы послать для спасения своего гражданина авианосец. У американской стороны есть претензии и по туалетным помещениям: прочность и пропускная способность сантехники должна быть увеличена.

– Интересно, – хмыкнул старик. – Я это обдумую. Дальше.

Валентина опять прокашлялась.

– В топ-сто проекта «Соседи» взлет недели...

– В задницу «Соседей», – перебил Пушкин-Рыльцев и повернулся к Гоше Дегтю: – Правда, Гоша?

Деготь кивнул.

«Зря он так», – подумал Савелий о шеф-редакторе.

– Дальше, – потребовал босс.

– В клубе «Соба» представлен новый проект: журнал «Форбс» для младшего школьного возраста.

– Интересно. Пусть туда сходит Филиппок. Материал сделать в критическом ключе. Максимум сто строк. Дальше.

– В третий раз за год осквернена могила Иосифа Сталина, органы следствия подозревают изъятие тканей с целью клонирования. Как известно, на сегодняшний день на учет поставлено семьдесят два кустарных клона Сталина – все они могут произносить только три слова: «Братья и сестры»...

– Старый анекдот, – с отвращением поморщился шеф-редактор. – Вдобавок – вранье. Я беседовал с одним из клонов Сталина три часа. Умнейшее существо. Только курит много. Дальше.

– Неделя до премьеры нового фильма «Страсть и гнев», в главной роли Анжелина Лолобриджиды, беспрецедентный актерский состав, задействованы модели седьмого поколения. Обещаны боевые сцены с участием моделей Керка Дугласа, Джеки Чана и Михаила Пореченкова, в эпизодах модели Митхуна Чакроборти, Марлен Дитрих, Энтони Хопкинса

и Георгия Вицина.

– В задницу такие фильмы. Что есть из сибирского корпункта?

– От китайцев – только официальные сводки. Рекордный урожай зерновых, введен в действие новый завод по производству...

– В задницу. Дальше.

Все знали, что Пушкив-Рыльцев не любит китайцев. И даже ходили слухи, что владелец журнала «Самый-Самый» волевал в Сибири. Поговаривали, будто именно китайская пуля, попав в позвоночник, лишила подвижности нижнюю часть тела шеф-редактора.

Валентина закрыла папку.

– Это все.

– Негусто, – проскрипел старик. – Ладно. Теперь, – он сипло вздохнул, – все встают, выходят отсюда и начинают действовать. Герц!

Савелий вздрогнул.

– Останься.

Пушков-Рыльцев терпеливо подождал, пока последний выходящий – новичок Филиппок – закроет двустворчатую тяжелую дверь. Со спины у стажера оказалась немного бабская фигура – вялые плечи против тяжелой задницы.

– Что у тебя за дела с Дегтем?

Савелий выпрямил спину.

– Он мой товарищ. Вот и все дела.

– Держись от него подальше. Он пьет.

– Это его дело, – спокойно отозвался Савелий.

– И мое тоже. И твое. – Старик подождал возражений, не получил их и объявил: – Кое-что меняется. Я передумал. Тебе придется сходить к доктору Смирнову. Это мой старинный приятель, я позвоню ему и договорюсь.

Герц кивнул:

– Сходить – это легко. Но тогда получится, весь юбилейный номер будет написан одним только мною.

Старик удивился:

– А что тут такого? Я начинал журнал в одиночку. Тебе будет полезно. Покрутись, побегай. Пожертвуй этим, как его... персональным психологическим комфортом.

С какой стати чем-то жертвовать, подумал Савелий.

– Это будет, – продолжал старик, – твой, хе-хе, дембельский аккорд. Знаешь, что такое «дембельский аккорд»?

– Нет.

– Ну и ладно. А вечером, ровно в девятнадцать тридцать, будь здесь. В редакции. Надо поговорить. Отмени все дела. Не опаздывай. – Пушкин-Рыльцев игриво подмигнул (эта игривость была ужасна, так мог бы ухмыляться тираннозавр) и добавил: – А то испортишь себе жизнь на много лет вперед.

Покинув конференц-зал, озадаченный Савелий нашел коллег в дальнем помещении редакции, приспособленном для перекуров, чаепитий и уединенных посиделок. Как обычно, по окончании оперативного совещания сотрудни-

кам требовалось время, чтобы прийти в себя. Столетний шеф-редактор распространял вокруг себя слишком мощные энергетические волны.

Впрочем, к моменту прихода Герца монстры журналистики, вполне расслабленные, развлекались тем, что допрашивали новичка.

– ...Он мне говорит: закончи университет! – рассказывал румяный Филиппок. – Я говорю: зачем? Я и так все знаю. И уже приглашен работать в солидное место. Мне, говорю, надоело учиться. Потом доучусь. Года через три или четыре. А он – нет, ты должен получить диплом. Я ему: папа, я никому ничего не должен. А он обижается...

– Но ты действительно никому ничего не должен. – Варвара блеснула глазами.

– Естественно! Но папа... Ему восемьдесят лет, он человек из прошлого. Я всю жизнь от него слышу: ты должен это, ты должен то... Я тебя растил, я тебя кормил... Я ему говорю – папа, ты не обязан был меня кормить, меня бы в любом случае прокормило государство...

«Приятный парень», – подумал Савелий, а вслух произнес:

– Тяжело тебе с папой.

– Не то слово! – воскликнул мальчишка. – Однажды он посмотрел один из моих учебников. «Основы теории абсолютного процветания». Заплакал, представляете?! Пытался порвать книгу. Думал, она – бумажная.

– А на каком этаже ты живешь? – спросил кто-то с дальнего конца стола.

– Ну, я родился на шестьдесят первом. Сейчас снимаю на пятьдесят седьмом, на двоих с подругой.

Савелий и Варвара переглянулись. Вокруг раздались вежливые вздохи.

– Хороший этаж, – похвалила Варвара. – Скромно и со вкусом. А чем занимается твоя... э-э... девушка?

– Пока ничем. Дома сидит. У нее родители – «соседи», она выросла под объективами. А квартира, где мы сейчас живем, не подключена. И теперь у нее депрессия. Все время на меня рычит, ругается... Жалуется, что я ей солнце загораживаю... Говорит, без «соседей» невыносимо. Ей кажется, что она никому не нужна, всеми брошена и так далее. Я объясняю, что «соседи» – игрушка для бледных, а она обижается.

– Сходи к участковому психотерапевту.

– Ходил. Врач сказал, что это зависимость. Отвыкание займет несколько месяцев, потом станет легче. В крайнем случае посоветовал подключиться... Сказал, что сам – «сосед» с большим стажем.

– Все психотерапевты – «соседи» с большим стажем, – тихо заметил Гоша Деготь.

– Отвези свою девушку отдохнуть, – посоветовал кто-то. – В Европу.

Филиппок покачал головой:

– Там еще хуже. Я два раза ездил. Больше ни ногой. Скуч-

но, грязно, все голодные, все бледные. Или работают с утра до ночи, или попрошайничают. По пять раз в день умоляют продать немного мякоти стебля. У них это называется «русская трава». Или «кремлевская». Дурацкие вопросы задают. Думают, мы тут, в Москве, сами растим эту траву для собственного удовольствия. Завидуют страшно... Нет, я больше не поеду. И подруга не поедет.

Над столом опять пронесся вздох.

– Извини, Филипп, – мягко прервала его Варвара. – Ты хороший мальчик, но тебе не следует употреблять слово «подруга». А тем более – «друг» или «дружба»... На верхних этажах так не принято.

Студент покраснел, улыбнулся и тряхнул головой.

– Понял. Прошу прощения. Нельзя ли мне еще воды? Обожаю «экстра-премиум».

– Ее нам поставляет рекламодатель, – со значением произнес Пружинов. – Теперь, юноша, вы будете пить ее каждый день.

Филиппок восторженно рассмеялся.

Мысленно планируя день, Герц вышел в общий зал – к этому времени уже заполненный чернорабочими журнального дела: секретаршами, верстальщиками, координаторами фотосъемок и самими фотографами, главным образом переутомленными, но разбитными юношами в богемных свитерах, – и прошелся из угла в угол. Его аккуратно обходи-

ли, боясь задеть и потревожить. Молодежь давно считала его мэтром и обращалась по имени-отчеству, с легким поклоном, что, кстати, немало помогло Савелию в период покорения сердца своенравной и насмешливой девушки Варвары.

«Неплохо было бы, – подумал он, – отловить сейчас своенравную и прижать где-нибудь в углу, для забавы и вящей эмоционально-гормональной подпитки». Но Варвара, окруженная помощниками, уже была сама не своя – настоящая деловая женщина. Герц только махнул ей рукой на прощание, а сбоку референтка с личиком старательной дуры (впрочем, вполне приятная) уже протягивала ему листок с адресом места первой встречи – интервью подготовлено, с клиентом созвонились и договорились, очертили круг вопросов, которые желательно затронуть, а также вопросов, которые затрагивать нежелательно. Осталось поехать и сделать дело.

В детстве Савелий играл в сибирских партизан.

Все мальчишки играли в сибирских партизан. Сибирские партизаны были в моде. Точнее, не сами партизаны, а игры в сибирских партизан. Самих партизан мало кто видел даже в Сибири. Не говоря уже о Москве. Но Савелий играл.

Он воображал себя неутомимым, жующим вяленую медвежатину. Он скрывался в тайге, он возглавлял маленький надежный отряд, он наводил ужас на жадных, суетливых, одуревших от опиума китайцев, считающих, что земля, куда их временно пустили пожить, принадлежит им.

Правда, отец – старый гуманитарий – иногда пытался объяснить Савелию, что двести миллионов китайцев живут в Сибири не бесплатно, что они ежегодно платят огромные деньги и именно эти китайские деньги являются основой невиданного в мировой истории благосостояния российского народа. А главное, отец повторял, что до прихода китайцев Восточная Сибирь была диким полем, а теперь там – цветущие сады, заводы и фабрики. Где русский человек не сподобился вырастить картофельный клубень, китаец теперь растит апельсины.

Савелий намазывал китайское масло на китайский хлеб, его возили в школу на китайском автомобиле, он сидел за китайской партией и учил науки по учебникам, отпечатанным

на китайской бумаге.

Китайцы умели делать все. Они работали с утра до ночи и еще аккуратно платили за то, что им позволили работать на чужой территории. Поэтому никто не любил китайцев. И сибирские партизаны были очень популярны.

В самой же Китайской Народной Республике, несмотря на ее никем не оспариваемое лидерство в мировой экономике, не все было гладко. Полвека назад, в начале пятидесятых, наконец произошло накликанное учеными таяние полярных льдов, то самое ожидаемое всеми глобальное потепление, которым пугали детей еще в XX веке; Китай потерял почти двадцать процентов своей территории. Ушли под воду все стратегически важные порты, включая Гонконг, Шанхай, Циндао, Далянь, Тяньцзинь, Ляньюньган, Фучжоу, Шантоу, Нинбо и Сямэнь. Правительство Поднебесной развернулось лицом в сторону северного соседа. Заговорили о великой дружбе, восходящей ко временам Сталина и Мао.

Северный сосед переживал странные времена. К началу последней трети XXI века население России сократилось до сорока миллионов. Это сильно уязвляло национальную гордость граждан – но не до такой степени, чтобы граждане стали активнее размножаться. Гордость гордостью, а детей растить – дело хлопотное. Может быть, русские люди плохо размножались из вредности, в пику многодетному исламскому Кавказу или тому же многодетному конфуцианскому Китаю. Или оттого, что русские женщины вынуждены были

не только рожать, но и работать наравне с мужчинами. Так или иначе, в какой-то момент Москва вместила всех граждан России. Миграционные процессы стали необратимо центростремительными. Все, кто хотел (а хотел почти каждый), перебрались в столицу и осели.

Гигантские пространства обезлюдели, потом пришли в запустение. Идея сдать свободные территории в аренду перестала казаться кощунственной.

Кто-то возмущался. Кто-то ушел в партизаны. Потом все успокоилось само собой. И Савелий рос, имея твердое понимание мирового устройства: в Москве – деньги, в Сибири – китайцы, а в Уральских горах – партизаны.

Впрочем, школьные учителя разъяснили юному романтику, что сибирская партизанщина давно ликвидирована. Возможно, бродят по тайге два или три десятка последних непримиримых идеалистов – но и только. Еще позже, уже в университете, сведущие приятели намекнули Савелию, что антикитайское сопротивление кишело провокаторами и вообще с самого начала было организовано спецслужбами, чтобы напугать граждан, чтобы общественное мнение смирилось с законом о всеобщей оцифровке.

Идеолог сибирского сопротивления, генерал Агафангел Рецкий, умер в изгнании, в Новой Зеландии, когда Савелию исполнилось шесть лет. Но книгу генерала «Терра нострум» можно было достать и прочесть в ней, что русский человек по своей природе есть хозяин и работодатель, а никак не раб

и не работник, что он владелец, но не пользователь, и подсознательно стремится владеть собственностью, даже если не умеет ею владеть. «Уметь можно научиться. Любой навык, ремесло или профессию можно освоить, и в этом нет никакой доблести, — утверждал Рецкий. — Доблесть в том, чтобы бескорыстно обладать, ничего не меняя, не прикасаясь и ни в коем случае не подпуская чужаков. Важно оторвать кусок. Можешь ты его проглотить или нет — не имеет значения». Согласно учению бесноватого Агафангела, русская земля заповедана навеки. Дикие сибирские территории должны пребывать в собственности русских и оставаться дикими, в том же самом виде, в каком обнаружил их покоритель Сибири Ермак Тимофеевич.

По рассказам стариков, последователей опального генерала когда-то было достаточно. Не всем понравился переход через Амур двухсот миллионов подданных Поднебесной.

Савелий, однако, не застал бурных дискуссий вокруг Сибирско-Китайской Свободной Экономической Зоны. Он был младенцем, когда дискуссии прекратились. Выгоды от сотрудничества с Пекином оказались слишком очевидны: граждане России поголовно превратились в счастливцев. Двести миллионов китайцев, компактно заселившись в Забайкалье и Якутии, учредили столицу в легендарном порту Ванино и в несколько лет доверху наполнили российскую казну. Воцарилось благоденствие.

Русские не работали. Работали только китайцы. На каж-

дого русского приходилось по четыре трудолюбивых китайца. Для получения денег гражданину Российской Федерации требовалось одно: пройти оцифровку. Разрешить вживить в собственное тело микрочип. На тех, кто отказывался и кричал о тотальном полицейском контроле, смотрели как на дураков. Один укольчик, и ты обеспечен до конца своих дней! Раз в год твоя доля поступает на банковский депозит, передавать ее кому-либо нельзя, можно только тратить.

Выдача любых ссуд и займов преследовалась по закону. Ссуды, кредиты и прочие фокусы времен дикого капитализма были запрещены Конституцией еще в начале XXI века, после окончания великого кризиса десятых годов.

Понемногу наступали времена невиданной роскоши, и детство Савелия было упоительно.

Процветать было здорово. Замечательно, великолепно было просыпаться по утрам и процветать до позднего вечера – и так год за годом. Золотой век наступил невзначай, легко и изящно, – его никто не приближал, все устроилось само собой. К черту нефть, газ, древесину, прочее сырье, продажей которого когда-то пробавлялась страна. К черту русские мозги, русских изобретателей, балерин, писателей, манекенщиц, программистов, хоккеистов и невест. Русские территории – вот главный капитал нации. Квадратные километры, просторные равнины, не знающие землетрясений, цунами и торнадо. Прочные горы, влажные пространства – этого было в колоссальном избытке, и когда пятая часть цивилизован-

ного мира ушла под воду, выяснилось, что Россия едва ли не единственная территория планеты, где можно жить, не опасаясь буйства стихий.

Однако природа приготовила здешним обитателям особенный, фантастический, уникальный сюрприз.

В один прекрасный день мальчик Савелий проснулся рано утром от грохота: за окном по проспекту шла окутанная сизыми угарными облаками танковая колонна. Мальчик не смог рассмотреть ее как следует. Меж домом и дорогой, на широкой полосе газона, из земли выходил огромный лоснящийся столб черно-зеленого цвета, покрытый чем-то, похожим на чешую. Он тянулся прямо в небо, Савелий не смог увидеть его верхушку.

То время он помнил смутно. Рыдающую мать, панику, короткий период военной диктатуры, разговоры о конце света, многочисленные самоубийства, забитые машинами улицы. Люди бежали из Москвы на периферию, чтобы через несколько недель вернуться обратно. На периферии невозможно было жить, там отсутствовали супермаркеты, не лилась горячая вода и не включалось электричество. Там не было ничего, кроме свистящей ветрами пустоты. А Москва, хоть и превратилась в пародию на лучший город Земли, по-прежнему стояла.

Трава росла повсюду. Средний стебель достигал высоты в триста тридцать метров.

Однажды летом 2065 года за двое суток трава, появив-

шись ниоткуда, превратила огромный город в декорацию сюрреалистического фильма. Она пришла и больше не уходила.

Но жизнь вошла в привычную колею. Большая часть общества укрепилась в мысли, что граждане Москвы имеют дело с инопланетным нашествием, что споры травы занесены из космоса, что разумна либо сама трава, либо те, кто ее насаждает. Иначе как, черт возьми, объяснить тот факт, что ни один из десятков тысяч стеблей никогда не повредил человеческой инфраструктуры, ни дорог, ни тротуаров, ни зданий. Трава не оборвала ни единого провода электропередач, не коснулась ни одной проложенной под землей коммуникации, ни канализационных труб, ни теплоцентралей. Трава росла только на свободном месте, и точка. Стебель мог вырасти на пустыре, в парке, в сквере, на крошечном газоне перед жилым домом. Стебель мог вырасти в метре от детской площадки – но никогда на самой детской площадке.

Сорок миллионов человек проснулись и увидели, что они больше не хозяева своей земли. Им оставили все их железо, весь камень, весь асфальт, всю пластмассу – отобрали только почву и солнце.

Победить траву было нельзя. На месте уничтоженного стебля вырастал новый, точно в течение пятидесяти часов. Повалить отдельное растение мог любой желающий. В первые месяцы этим занимались сотни тысяч профессионалов и добровольцев. Разбей топором чешуйчатую кору – под ней

изумрудная мякоть. Трое рабочих за два часа – если с перекурами – могли срубить даже самый крепкий взрослый стебель, но спустя несколько часов на его месте появлялся новый, такой же. Скорость роста потрясала. Многие с непривычки падали в обморок, когда видели, как из земли лезет к солнцу черно-зеленое острие – это напоминало древние мифы о гидре, которой нельзя рубить голову, иначе на месте одной отрубленной вырастали две новых. И почему, кстати, то фантастическое чудовище называли гидрой, если гидра в переводе с греческого значит «вода»? Может, та первая гидра и была стеблем травы, пожирающей воду и солнечный свет?

Около сотни экстренно созданных специализированных научных центров занимались проблемой искоренения заразы. Все выделенные средства – огромные – были освоены до последней копейки, но без практического результата. Наука не смогла объяснить, почему стебли появились именно в Москве, а не в калмыцкой, допустим, степи. Трава не принадлежала ни к одному известному виду или семейству растительного мира. Собственно, она вообще не являлась травой – скорее, это была колоссальная грибница, где все зеленые лезвия связывались единой корневой системой и происходили, вероятнее всего, от одного-единственного семени, которое было либо занесено из космоса, либо подброшено геополитическими врагами России как биологическое оружие, либо лежало в земле миллионы лет, чтобы однажды ожить и прорасти по загадочным причинам.

Корневая система уходила на многие километры вниз. В гиперполисе изменились климат, температурный режим и состав атмосферы. Подобно любому растению, гигантская трава испаряла 99 % взятой из грунта влаги. Столица России обратилась в болото, звенящее кровососущими насекомыми. Ветер перестал продувать пространства меж зданиями, улицы превратились в ущелья, где в самые солнечные и свежие дни царил влажный полумрак. Зато над землей, на высоте четверти километра, повисло огромное облако чистейшего кислорода.

Много надежд было связано с наступлением первой зимы. Эксперты предполагали, что трава теплолюбива и не выдержит морозов. Правительство собиралось приурочить к февральским холодам тотальную вырубку. Но загадочные растения никак не отреагировали на отрицательные температуры, и кампания по зимнему повалу закончилась крахом. Новые побеги появились на месте уничтоженных как ни в чем не бывало, набирая рост и массу с одной и той же скоростью: один метр в минуту, шестьдесят метров в час, триста метров за двое суток.

Был создан проект «Плита». Стебель срезали, заподлицо с почвой, разрушали корневище, вынимали грунт на глубину в пятьдесят метров, устанавливали заслон: бутерброд из титановых плит, меж ними – прочный железобетон китайского производства. Спустя двенадцать часов веселый зеленый побег пробивал заслон насквозь и за двое суток достигал своей

обычной высоты.

Был создан проект «Дровосек». Специальный робот, находясь в точке роста стебля, срубал побег, едва тот выросал хотя бы на метр – тогда растение пускало боковой отросток и выходило из земли в нескольких метрах рядом с глупым механизмом.

Были другие, столь же простые и якобы эффективные проекты и способы борьбы – физические, химические, – все они потерпели крах.

За следующие десять лет в городе было снесено три четверти малоэтажных зданий – на их месте возвели стоэтажные небоскребы. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь стебли, иногда достигали пятидесятих этажей и весьма часто проникали на шестидесятые этажи. На семидесятых было очень терпимо, на восьмидесятых люди загорали, на девяностых – наслаждались, как если бы травы вообще не существовало.

А на сотых этажах жили китайцы. Все работники Сибирско-Китайской Свободной Экономической Зоны имели двойное гражданство и, как граждане России, получили право свободно покупать московскую недвижимость. Пока не скупили самую лучшую.

Через год после того, как вся Москва заросла травой высотой с Останкинскую телебашню, мякоть невиданного растения стали употреблять в пищу.

Через полтора года все работы по искоренению были остановлены, результаты засекречены, пожирание мякоти – запрещено под страхом уголовного наказания.

Через пять лет подходить к самому растению уже считалось дурным тоном, дотронуться значило оскорбить общественную мораль. Даже говорить о траве в публичных местах избегали. Но если о первых случаях травоядения с возмущением писали все газеты, то спустя полдесятилетия пожирание мякоти уже считалось тяжелой стыдной болезнью, чем-то сродни сифилису или наркомании.

* * *

Неизвестно, кто первый вкусил от стебля. Однако Савелий познакомился с оригинальным бранным словом «травоед» еще в начальной школе, через три года после того, как трава атаковала Москву. Новое модное ругательство примерно соответствовало старинному и универсальному эпитету «козел» (ведь козлы тоже травоядные), – или даже превосходило по тяжести нанесенного оскорбления. За «травоеда» можно было легко получить в морду. Савелий несколько раз получал и сам давал. Эпоха абсолютного процветания не отменила честных мальчишеских драк.

Четырьмя годами позже родители накопили наконец нужную сумму и перебрались в современную башню, на сорок девятый этаж. К тому времени социальное расслоение шло

полным ходом: жильцы средних и верхних уровней пользовались отдельными входами и отдельными лифтами, где самую нижнюю кнопку украшала цифра «25».

В тот же период своей жизни Савелий увидел первого настоящего травоеда.

Однажды лучший друг Гарри Годунов предложил для расширения кругозора прокатиться на окраину города, в Восточное Крюково – густо заросшее стеблями скопище лужковских домов между Третьей и Четвертой Кольцевыми Дорогами, настоящее гетто а-ля «кризисные десятилетия». Савелий, благоразумный бесконфликтный паренек, не слишком рвался в сомнительный вояж, но не хотел выглядеть трусом в глазах товарища, известного хулигана и философа.

Они долго ехали на метро – то под землей, то над нею. Добравшись, прогулялись по сырым, дурно асфальтированным дорожкам, засыпанным мусором, удивились тишине и безлюдью. Савелий воображал агрессивную шпану, проституток, сверкающие огнями двери притонов и шалманов, а увидел унылые пустые улицы. Пахло мочой, на дверях магазинов висели внушительные замки. Редкие прохожие, завидев модно одетых четырнадцатилетних путешественников, широко улыбались и приветственно махали руками, но непосредственно после улыбок и доброжелательных жестов почему-то спешили перейти на другую сторону улицы либо свернуть в подворотню. Ни с одним из аборигенов не удалось сблизиться менее чем на тридцать шагов. Никто не за-

дирал двоих отважных героев, не провоцировал, не пытался отобрать деньги. В конце концов Годунов – всем известный авантюрист – осмелел и предложил купить бутылку вина, чтоб демонстративно распить в публичном месте. Стали искать торговую точку, заблудились и в одном из дворов почти нос к носу столкнулись с тощим, совершенно дикого вида человеком. Не успели испугаться, как лицо незнакомца, очень бледное, даже серое, перекошилось в радостно-изумленной гримасе: последовали улыбки, подмигивания и демонстрация большого пальца, но одновременно странный дядька стал ловко пятиться назад, устанавливая дистанцию, неудобную для разговора.

Он выглядел так, словно выиграл в лотерею миллион. Слегка пританцовывал. Глаза блестели. Он что-то напевал себе под нос и поминутно закидывал голову, смотрел в небо и жмурился. Он был грязен, небрит и нечесан, босые желтые ступни – в ветхих засаленных тапочках.

– Эй, – громко позвал смелый Годунов. – Как дела?

– Отлично, бя! – воскликнул незнакомец, улыбаясь и дергая головой в такт музыке, которую никто, кроме него, не слышал. – Просто отлично, бя.

– А где тут ближайший магазин?

Не переставая пятиться, дядька пожал плечами и соорудил комическую гримасу. Годунов сделал несколько решительных шагов вперед, однако абориген, счастливо захихикав, повернулся к ним спиной и пошел прочь, не спеша, не

оглядываясь и выражая спиной полное равнодушие к своим несостоявшимся собеседникам.

– Наркоман, – предположил Савелий.

– Нет, – ответил Годунов. – Это травоед. Они тут все травоеды. Мне рассказывали – я не верил. Но теперь сам убедился. Говорят, их сейчас чуть не пол-Москвы.

– Ладно врать. Я такого оригинального типа впервые вижу.

– А это не обычный, – объяснил Годунов. – Это – конченный. Я тоже в первый раз вижу конченного травоеда. Который жрет только траву. И больше ничего. Мне про таких взрослые пацаны говорили. Конченного травоеда ничего не интересует, и ему никто не нужен. Поэтому тут так пусто. Они все по домам сидят...

– И что делают? – спросил Савелий, ощущая неуют и оглядываясь.

– Ничего, – сказал Годунов. – Зачем им что-то делать? Им и так хорошо.

– Это и есть наркомания.

– Нет, – авторитетно ответил Годунов. – Наркотики наносят здоровью вред. От наркотиков умирают. Передозировка, ломка и прочие ужасы. А мякоть стебля безвредна. Это доказано учеными. У меня есть приятель, он стащил у своего отца секретный доклад и снял копию. Мне давал почитать, на одну ночь. Никакого вреда, понимаешь? Десяти граммов сырой мякоти стебля достаточно, чтобы человек получил су-

точную дозу энергии. В мякоти есть все. Растительный белок, витамины и углеводы. Это как питаться хлебом, орехами и оливковым маслом, только в концентрированном виде. Проглотил чайную ложечку – и весь день сыт. Плюс сильное ощущение эйфории. Радость в чистом виде, понял?

– Понял, – мрачно ответил Савелий (ему хотелось домой). – Я же говорю, наркотик.

– Говорят тебе, это не наркотик, – возразил Годунов, горячась. – Даже самые мягкие наркотики разрушают нервную систему. Принимаешь наркотик – тебе хорошо. Перестаешь принимать – тебе плохо. При систематическом приеме наркотика организм перестает вырабатывать естественный гормон удовольствия, эндорфин...

Они стояли на углу. Справа был двор, некогда облагороженный газоном. Сейчас этот газон превратился в пыльную плешь, из центра ее тянулся вверх мощный стебель: тридцать метров длины, четыре метра ширины, глянцевая черно-зеленая поверхность в мелких чешуйках, а высота – отсюда и до облаков. В полутора метрах от земли тело стебля украшали шрамы. Они немного отличались по цвету – по краям коричневые, в центре изумрудные. Слева тянулась темная пустая улица: то одна, то другая одинокая фигура перейдет дорогу (в любом месте; машины тоже отсутствовали) – и опять возвращается странное ощущение нереальности происходящего.

– ...А мякоть стебля, – продолжал Годунов, – действует

на человека иначе. Как – никто не знает. Ученые теряются в догадках. Это самая настоящая таблетка счастья, понимаешь? Съел ложечку мякоти – и ты сыт, доволен, весел, тебе хорошо, и все это – без последствий.

– Так не бывает. – Савелий покачал головой. – Ты, Годунов, конечно, умный, рассказы пишешь и вообще... но я тоже кое-что знаю. В природе все уравновешено. За удовольствия надо платить. Тем более за эйфорию. Всякое животное устроено так, что ему нужны не только удовольствия, но и стресс. Страх, гнев и так далее. Если человек будет только наслаждаться и не будет страдать – он перестанет совершенствоваться и исчезнет с лица земли.

– Ага. – Годунов потер сломанный нос. – Ты, брат, это все сказал бы дураку, которого мы встретили. Догнал бы его, поймал за рукав и поговорил про страдания. Только ему сначала надо грязь из ушей вытащить.

Они еще раз огляделись и зашагали в направлении ближайшего метро.

– Такую опасную дрянь, – задумчиво произнес Савелий, – надо запретить под страхом смерти.

Годунов кивнул:

– Уже запретили. Десять лет тюрьмы за хранение одного грамма субстанции. Но они все равно жрут. Видел на стебле отметины? Ночью выходят, топором кожу разрубят – и набирают. Государство с этим мирится. Иначе придется забить до отказа все тюрьмы и еще новые построить. Пойми – тра-

вредны. Они не совершают преступлений. В этом их коренное отличие от наркоманов. Наркоман может убить за дозу. А травоядному достаточно дождаться темноты. Травоядный не проявляет недовольства, его даже не надо кормить. Он сидит дома, смотрит телевизор и спит. Или трахается. Говорят, мякоть – это афродизиак.

– Тогда надо опутать каждый стебель колючей проволокой и поставить солдат с пулеметами!

– В первые годы так и делали. Потом перестали. Угадай почему?

Савелий подумал и предположил:

– Солдаты сами жрали мякоть.

– Ха! – воскликнул Годунов. – Ты небезнадежен. Слушай, давай приедем сюда ночью. И вырежем себе немного.

– Еще чего.

– Боишься.

– Нет. Просто это мне не нужно.

– Боишься, – усмехнулся Годунов. – Ладно. Это была шутка. Но я все равно попробую.

– Зачем?

– Что значит «зачем»? Мне интересно. Я должен знать, что это такое.

Савелий иронично осведомился, не желает ли его друг попробовать на вкус человеческие экскременты, и они, кое-как отыскав вход в метро, поехали по домам, споря и переругиваясь так, как могут спорить и переругиваться только пол-

ные единомышленники.

Они дружили с шести лет. В их тандеме Годунов верховодил, генерировал идеи. Савелий был ведомым: критиковал, отбраковывал неудачные предложения, пожимал плечами. Гарри лез вперед – Савелий страховал. Гарри был революционер – Савелий дипломат, оппортунист и соглашатель. Гарри был упрям – Савелий осторожен. Даже в самые сопливые годы, во времена игр в сибирских партизан, Гарри Годунов сражался только за китайцев; если его брали в плен, он неизменно кончал с собой, проглатывая зашитую в угол воротника ампулу с ядом, а когда приятели кричали, что так не бывает, он спорил до хрипоты и приносил из дома ветхое, столетней давности, бумажные книги, где действительно черным по белому было написано насчет ампулы в уголке воротника.

Взрослея, Гарри постепенно менялся, и не в лучшую сторону. К моменту окончания школы их крепчайшая детская дружба уже выглядела необязательным приятельством. Они не поссорились, просто взаимно охладели. Годунов отдалился от всех, стал нервным, нетерпимым, отвратительно насмешливым. Мог устроить скандал в самой теплой и интимной компании. Полюбил выпить и заимел обыкновение приставать к чужим девчонкам. Иногда говорил Савелию, что пишет роман, который сведет с ума весь мир. На что Савелий резонно замечал, что роман молодого писателя Гарри Годунова прежде всего сведет с ума самого Гарри Годунова.

В ответ обычно неслись ругань и саркастические афоризмы.

Через год восемнадцатилетний Савелий стал студентом. И одновременно получил доступ к персональному депозиту. К своей личной доле от миллиардов, ежегодно перечисляемых китайцами за право жить и работать на российской территории.

Оцифровку он прошел заблаговременно. Добрый дядя в белом халате посреди сверкающего никелем кабинета ввел ему под кожу микрочип, невидимый простым глазом. Теперь Савелий мог зайти в любой магазин и взять все, что хотел: сумма списывалась с депозита на выходе из магазина, не доставляя владельцу микрочипа никаких хлопот.

Размер депозита был изрядный, но подавляющее большинство граждан предпочитало экономить. Купить себе вертолет на китайские деньги было нельзя. И квартиру на семидесятом уровне – тоже. Но осесть в статусе мирного рантье где-нибудь на пятьдесят пятом, вкусно кушать, покупать недорогую прочную одежду и посещать кинотеатр – вполне. При известной сноровке китайский депозит позволял полноценно жить, не утруждая себя хождением на службу.

Молодежь отчаянно экономила на самом необходимом, чтобы однажды потратиться на нечто пафосное. Допустим, на винтажное авто с бензиновым мотором. Девушки обычно проходили через бурное увлечение пластической хирургией (во времена юности Савелия как раз входил в моду вспененный силикон), но к двадцати пяти годам охладевали. Наи-

более рассудительные, правильно воспитанные, жадные до жизни получали профессию, заработок и со временем выбирались на семидесятые и восьмидесятые этажи.

Но правильных и рассудительных было мало.

На одной из студенческих вечеринок Савелий Герц (в тот год он тоже приобрел старинный мощный «шевроле», ездивший с трудом, но быстро; девчонкам нравилось) впервые попробовал мякоть стебля. Когда хозяин квартиры – точнее, сын хозяев – с азартным восклицанием бросил на стол целлофановый пакет, наполненный зеленовато-бурым желе, компания притихла, затем раздались вздохи, требования немедленно убрать эту гадость и фразы: «Без меня!» Пакет был удален, но спустя два часа хмельной Савелий увидел, что запретная субстанция переходит из рук в руки. К тому времени коллектив собутыльников поредел, свечи погасли, наиболее стойкие играли на понижение (после вина взялись за пиво), дамы либо спаслись бегством, либо уединились со счастливицами в дальних комнатах.

– Дайте и мне, что ли, – попросил Савелий.

– Не дадим, – ответили ему. – Ты пьяный, а мякоть нельзя мешать с алкоголем. Плохо будет. Тошнота и все прочее. Травоеды вообще не пьют.

– Я не травоед, – возразил Савелий.

– Тогда вообще не лезь, – сказали ему.

Под утро, когда уснули все, включая самых стойких джентльменов, Савелий кое-как очнулся для посещения

уборной и обнаружил почти пустой пакет на полу. После некоторых колебаний студент запустил внутрь палец, понюхал, рассмотрел, лизнул. Ничего не понял. Мякоть не имела вкуса и запаха. Отважный неофит покосился на храпящих товарищей, отнес пакет к столу, вывернул наизнанку и наскреб почти полную чайную ложку. Съел. В голове шумело, но Савелий не пил пива после вина, да и вина употребил не более двух стаканов. Он был в порядке, голова работала. Савелий сел на подоконник, коснулся лбом стекла и стал ждать.

За окном в мутном полумраке покачивались стебли, меж ними угадывался соседний дом; горели два-три окна. Даже в самые глухие предутренние часы во всяком доме горят несколько окон, подумал он. Что делают люди за этими окнами, почему не спят? Что мешает им предаваться естественным радостям, из которых сон – самая простая, дешевая и доступная?

Он стал размышлять, почему не спят те, кто мог бы спать. Потом надоело. Вдруг появилось удивительно отчетливое понимание полной бесперспективности самого процесса размышления. Захотелось воды.

«Похмелье, – понял он. – Значит, вчера я все-таки перебрал. Как звали ту маленькую нахальную, которая пыталась обидеть меня, хохоча и называя «бледным»? Разве я бледный? У меня прекрасный цвет лица».

Нашарил полупустую бутылку с водой, выпил до дна, запрокинул голову, потряс над открытым ртом, поймал язы-

ком последние капли. Испытал оригинальное легкое удовольствие. Возможно, мякоть начинала действовать. Ощутил бодрость и одновременно сильную лень, причем оба чувства составляли единое целое. Не хотелось шевелиться и напрягать мозги. Хотелось принять вертикальное положение, замереть и прислушаться к себе. Внутри происходило интересное: стучало сердце, сдвигались и раздвигались легкие, желудок и кишечник тоже слали сигналы – впрочем, ненастойчиво. Савелий соскочил с подоконника, прошелся по комнате. Процесс ходьбы развеселил. Это напоминало аттракцион. Очень смешно, странно, немного глупо. Несколько раз пройдясь от стены к стене, устал, но едва замер неподвижно, как все вокруг – стены, воздух, сама действительность – наполнило его энергией. Что-то приятное текло через тело, сверху вниз, а другой такой же ток бежал в противоположном направлении, от ступней к макушке.

Он то ходил, то застывал. Несколько раз пил воду. Времени не замечал. Потом лег и заснул, глубоко и без сновидений.

Новый опыт ему скорее не понравился. Действительно, весь следующий день он совсем не хотел есть и чувствовал бодрость. Зато плохо соображал. Решил даже прогулять лекции. Бодрость существовала сама по себе, ее нельзя было куда-либо применить. Оставаясь неподвижным, он наслаждался, но едва решал дойти хотя бы до ванной комнаты, чтобы умыться лицо, – все вокруг немедленно превращалось в абсурдный мультфильм. Отец, рано вернувшийся с работы,

спросил его о чем-то – Савелий только подмигнул и улыбнулся: мол, все в порядке, и я в порядке, и ты тоже в порядке. Потом повернулся к нему спиной и ушел к себе.

Только на вторые сутки все прекратилось. Было смутное желание проглотить еще одну порцию, побольше и в более комфортных условиях – не в чужом доме, меж пустых бутылок, а в собственной комнате, в тишине и уединении, чтобы разобраться в ощущениях. Но Савелий отбросил эту мысль. Мякоть показалась ему чем-то вроде марихуаны. Но если марихуана всего лишь расслабляла нервы, то мякоть стебля действовала по-другому, она изменяла саму личность, намекала на возможность особенной жизни – такой, где нет нужды, проблем, голода, суеты, а есть только безмолвная радостная неподвижность.

«Так или иначе, это не мое», – решил Савелий.

К двадцати годам он все про себя знал. И про других тоже. Все просто: человек рожден, чтобы наслаждаться жизнью во всех бесчисленных проявлениях. И задача человека – развивать себя так, чтобы уметь ощутить максимальную ее полноту. Перед тобой и жизнью – дверь, учили Савелия. Слабый способен едва приоткрыть ее, чтобы получить простейшие блага и ощущения. Сильный и образованный распахнет дверь на всю ширину и обретет все многообразие жизни.

Экзамен по основам теории абсолютного процветания Савелий сдал на «отлично».

Потом он увидел друга детских забав Гарри Годунова по

телевизору. В двадцать два года Гарри Годунов опубликовал роман и прославился. Не менее трех дней о новом гении говорила вся Москва. Потом его вытеснили из эфира другие герои. В тот год и в тот месяц началась активная колонизация Луны. Отважные космонавты выглядели гораздо фотогеничнее и живописнее тощего и мрачного молодого писателя, и о писателе все забыли.

Но Савелий не забыл. Ни про Гарри Годунова, ни про мякоть стебля.

Мультимиллионеру Петру Глыбову, известному под прозвищем Продавец солнца, было тридцать девять лет. Журналисту Савелию Герцу – пятьдесят два. Взрослый мужчина шел брать интервью у сопляка-выскочки. Поднимаясь на девяносто первый этаж в шикарном, отделанном в стиле «псевдо-нео-хай-тек» лифте, журналист воображал себе снисходительные ухмылки, пренебрежительные взгляды и прочие нуворишеские фокусы. «Впрочем, – размышлял Савелий, – это можно как-то повернуть, построить материал на ноте тонкого презрения, подпустить интеллигентной издевки».

Все кнопки огромного VIP-лифта, начиная с девяносто девятой, вместо привычных цифр снабжены были иероглифами и надписями на кириллице: «Только для китайцев». Висящая рядом дацзыбао лаконично напоминала про уголовную ответственность за незаконное вторжение на частную территорию.

Бесшумно ступающий, как бы бесплотный камердинер – босой, однако в полотняной пиджачной паре, – проводил Савелия в обширный гулкий зал. Миллионер Глыбов, совершенно голый, занимался спортом: прыгал на батуте. За стеклянными стенами переливалась в знойном мареве умопомрачительная панорама: белые и серые здания, пирамиды, конусы и параллелепипеды, меж ними, густо, зеленые острия

стеблей. Супергород, техногенное чудо. Уникальное свидетельство могущества человеческого гения, однажды за пятьдесят часов побежденное примитивными растениями.

Еще выше – голубое небо, застегнутое на желтую пуговицу.

Савелий вздохнул.

У дальней стены миллионеровой резиденции, возле полыхающего камина, в шезлонгах возлежали, лениво кидаясь друг в друга конфетными обертками, голографические модели Бриджит Бардо и Эмми Уайнхаус, – обе полуголые.

– Здорово, журналист! – взмывая к потолку, зычно провозгласил Глыбов. – Присоединяйся!

– Спасибо, – вежливо отозвался Савелий. – Боюсь, шею сломаю.

– А ты не бойся. – Миллионер сделал сальто. – Сломаешь – куплю тебе другую!

– Вы очень любезны.

– Давай свои вопросы, – велел Продавец солнца. – Только быстро. И сделай два шага в сторону. Ты загораживаешь мне солнце.

Савелий торопливо повиновался и щелчком пальцев включил имплантированный в ладонь диктофон.

– Господин Глыбов, – с нажимом произнес он, – я представляю серьезный аналитический журнал. Нас читают влиятельные люди. Я собираюсь поднять в разговоре важные темы, и мне бы хотелось...

– Я понял, – небрежно ответил миллионер и соскочил на пол. Приблизился, протянул мускулистую руку: крупный, разящий потом самец, излучающий неприятное, избыточное здоровье. – Я понял, – повторил он. – Извини. Я забыл, что в наше время существуют серьезные журналы. Вчера ко мне приходил один дурак, тоже из какого-то журнала. Спрашивал, сколько оргазмов я имею в неделю и кто делает мне маникюр...

– Ваши оргазмы, – вежливо ответил Савелий, – наш журнал не интересуют.

– Ага, – кивнул миллионер. – А чьи оргазмы интересуют ваш журнал?

– Лично меня интересуют только мои собственные оргазмы.

Глыбов расхохотался, продемонстрировав великолепные зубы, покрытые ярко-красным лаком.

– Ладно. Выпить хочешь? Пожрать? Чаю, кофе, сигару, кальян? Будь как дома.

– Если можно, воды.

– Воды? – Миллионер жестом отпустил камердинера. – Много пьешь? Это правильно. Пойдем, я сам тебе налью.

Прошли в глубину зала, к огромным креслам, к стойке с напитками. Глыбов всмотрелся в лицо Савелия и вдруг спросил:

– Ты ходишь в мои солярии?

– Нет.

– Почему?

– В моем кругу, – сухо объяснил Савелий, – принято считать, что ваши солярии предназначены для бледных.

– А ты, значит, не бледный, – ухмыльнулся Глыбов.

– Бог миловал.

– Молодец. Присядь.

Журналист кивнул. Черт бы побрал этих нуворишей. Хоть бы халат накинул.

– Господин Глыбов, – начал он. – Мы пишем о людях, добившихся... э-э... успеха. Журнал называется «Самый-Самый». Понятно, что сегодня, в первые годы XXII века, когда средняя продолжительность жизни составляет девяносто семь лет, само понятие успеха выглядит анахронизмом. За семьдесят лет активной жизни каждый из нас имеет возможность успеть везде и всюду. Лично я, например, чемпион Москвы по трехмерному бильярду и кандидат философских наук. В обществе, где никто никому ничего не должен, успех гарантирован каждому...

– Понятно, – перебил миллионер и наконец завернулся в халат. – То есть я в мои сорок – зеленый пацан и при этом – хозяин большого дела. Такова тема интервью.

– Угадали.

– С чего начнем?

– С биографии.

Глыбов сел, мощными глотками осушил свой стакан и вздохнул.

– Биография моя скучная. Ничего особенного. Родился на окраине. Среди бледных. На девятом этаже. У нас в Балашихе трава растет густо. Сплошной полумрак. Я годами не видел солнца. Первый солярий – дешевую китайскую кабину – купил в восемнадцать. Сейчас у меня двадцать тысяч кабин. Любой, даже самый бледный человек может позагорать в моей кабине, потому что это дешево...

– Я знаю, – небрежно произнес Савелий. – Читал рекламные проспекты. А почему восемнадцатилетний Петр Глыбов решил посвятить жизнь именно соляриям?

Миллионер пожал плечами:

– Покойный отец часто рассказывал про старые времена. Когда каждый имел бесплатно столько солнечного света, сколько захочет. Я слушал его и думал: почему раньше было так, а сейчас иначе? В школе меня учили, что настоящее всегда лучше прошлого. Прошлое – это дикость, голод и беззаконие. Но я смотрел за окно и видел, что все не так. У моей страны солнечное прошлое и серое настоящее. Мне говорили, что прогресс – это хорошо. А я не понимал, что это за прогресс такой, если сегодня я вынужден платить за то, что вчера доставалось даром? Я догадался, что цивилизация устроена по простому принципу: никто никогда ничего не может получать бесплатно. В этой системе лучше быть тем, кому платят, чем тем, кто платит. Недостаток солнечного света приводит к дефициту в организме витамина А. Мне платят за этот витамин. Вот и все.

– Что же, – Савелий кивнул, – коротко и ясно. А продавать свои услуги бледным гражданам – ваш принцип?

– Мой принцип – давать людям то, в чем они нуждаются.

Савелий вдруг понял, что сидящий перед ним молодой, атлетически сложенный, дочерна загорелый человек очень некрасив. А был, вероятно, даже уродлив – до тех пор, пока пластический хирург не переделал ему нос и губы.

«Ага, – подумал опытный журналист Герц, – тут мы имеем скрытый комплекс. Перед нами сублимант. Отсюда страсть к богатству, мускулы и прочее. Бесплатно, видать, ему девчонки не давали. А умные фразы насчет прогресса подобраны и выучены задним числом».

– Вы, – продолжил разговор Савелий, – очень популярны среди бледных слоев населения.

Миллионер отмахнулся:

– Мне наплевать. Я не искал популярности. Все, чего я хотел, – это переехать с двенадцатого этажа на девяностый. Чтоб наслаждаться солнцем.

Журналист помедлил. Дальше предполагался блок основных вопросов. За некоторые из них можно и в морду получить. Вон какие у этого малого кулачищи...

– Ходят слухи, – начал он, – что ваша империя – гигантская финансовая пирамида. Что вы вынуждены непрерывно расширяться, ставить новые и новые кабины. Говорят, что вы в долгах и ваши прибыли не покрывают издержек...

– Я никому ничего не должен, – спокойно ответил Глыбов.

Савелий проделал амортизирующий жест.

– Разумеется. Никто никому ничего не должен. Но я слышал, что вам помогают, как говорится, по дружбе...

– Эти слухи распускают завистники, – небрежно отмахнулся Продавец солнца. – Вообще-то, любезный, мне полагается оскорбиться. Если вы опубликуете предыдущую реплику, я немедленно подам на ваш журнал в суд. Что значит «по дружбе»? Дружба – удел гангстеров и бледных.

«Можно дать как заголовок», – тут же прикинул Савелий.

– Даже дети знают, – продолжал Глыбов, – что кредиты запрещены – таков залог устойчивости национальной экономики. Официально заявляю: вся моя финансовая отчетность прозрачна и опубликована. Иначе, кстати, я бы не стал генеральным спонсором проекта «Соседи».

– А правда, что все спонсоры проекта «Соседи» сами обязаны войти в проект?

– Правда.

– То есть вы, Петр Глыбов, – участник проекта?

– Угадали.

– И здесь, – Савелий осмотрелся, – везде объективы? За нашей беседой наблюдают?

Миллионер кивнул и хмыкнул:

– У меня тут сто пятьдесят камер. Но вы не волнуйтесь. Обычные разговоры не интересуют «Соседей». Подумаешь, журналист пришел поговорить с бизнесменом. Вот если бы мы с вами поговорили, потом напились, потом подрались, а

потом помирились, а в знак примирения вызвали баб, напились с бабами и повторно подрались, уже из-за баб, – тогда могли бы попасть в топ-сто. А если бы, допустим, бабы тоже подрались, из-за нас, и стали душить друг дружку колготками – тогда нам обеспечено местечко в топ-пятьдесят...

– Забавно, – задумчиво произнес Савелий. – Обычно люди с вашим уровнем жизни не любят «Соседей».

– Я тоже не люблю. Но чего не сделаешь в интересах дела! – Продавец солнца захохотал, осушил еще один стакан воды марки «дабл-премиум» и вдруг застеснялся. – Между прочим, – он понизил голос, – по условиям контракта я обязан не только участвовать в проекте, но и рекламировать его.

– Исключено, – быстро ответил Савелий. – Повторяю, у нас серьезный журнал. Я не могу допустить, чтобы текст содержал элементы рекламы.

– Тогда, – весело произнес миллионер, – мы закончим интервью прямо сейчас.

Савелий вздохнул:

– Черт с вами. Рекламируйте.

– Это быстро, – великодушно сообщил Глыбов. – В проекте «Соседи» новая акция. Только в этом месяце. Любого желающего могут подключить в одностороннем режиме. В вашем доме не поставят камер, но вы сможете наблюдать за теми, у кого они есть. Вас не видят – зато вы видите всех... Плюс архив: топ-тысяча за прошлый год. Вы смотрите самое интересное. Чужие спальни. Женские раздевалки. Тюрь-

мы...

– Тюрьмы тоже подключены?

– У тюрем огромные рейтинги. В прошлом году арестанты центральной тюрьмы опустили известного убийцу и насильника Дронова. Трансляция вошла в топ-десять. Кстати, злодея поймали исключительно благодаря «Соседям». И еще одно: моя компания бесплатно установила в центральной тюрьме двадцать пять соляриев.

– Замечательно, – отреагировал Савелий. – Но хватит о «Соседях». Вернемся к вашей персоне. Правда ли, что вы ненавидите травоедов?

– Правда, – твердо ответил Глыбов. – Поедать траву – удел животных.

«Это тоже вариант заголовка», – решил журналист.

– Вы согласны с тем, что власти не способны бороться с травоедением?

Миллионер отмахнулся:

– Я не намерен критиковать власти. Я лояльный гражданин. Власти ничего никому не должны. Критика властей неизбежно ведет к разрушению персонального психологического комфорта...

Савелий вспомнил, что хотел подпустить в интервью тонкую издевку, и перебил:

– Простите, но это банально. Звучит как цитата из школьного учебника. Вы не любите травоядных, но каждый день видите, как мякоть стебля продается на каждом углу. Как вы

с этим миритесь?

Глыбов посерьезнел. Его простое лицо не имело возраста, это мешало Герцу адекватно воспринимать собеседника. Издержки омолаживающих технологий, ничего не поделаешь.

– А кто вам сказал, – произнес миллионер, – что я с этим мирюсь? Я финансирую работы по изучению феномена стеблероста. У меня своя лаборатория.

– И есть успехи?

– Есть.

– Расскажите.

– Не имею права. Результаты засекречены в соответствии с законом. Могу сказать только то, что знают все. Трва выросла в течение двух суток. Логично допустить, что она засохнет так же быстро, – это первое. Второе: надо найти центр грибницы. Выяснить, что представлял собой зародыш. Семя. Зерно. Сейчас мы расшифровываем геном травы, потом попытаемся клонировать зародыш – в нем разгадка. Понимаете?

Савелий кивнул, наблюдая, как лицо его собеседника меняется. Напряжение в уголках губ слабеет, глаза загораются интересом.

– Однажды, – тоном ниже продолжил миллионер, – мы убьем ее. Люди проснутся и увидят, что ее больше нет.

– Но тогда ваши солярии никому не понадобятся.

– Да, – почти нежно выговорил Глыбов. – И я закрою свой бизнес.

– Но чем вы тогда займетесь?

– Черт его знает. Какая разница?

– Вы потратили на свой бизнес двадцать лет, а сейчас...

– Слушай, друг, – грубо перебил Глыбов, – ты говоришь, что я самый-самый. Весь из себя успешный и все такое. Я купил свою первую кабину в восемнадцать лет. В двадцать у меня было пять кабин. В тридцать – полторы тысячи кабин. Ты сказал, что ты чемпион и кандидат наук – а я не видел в своей жизни ничего, кроме кабин. Утром просыпался и думал: вот, у меня сто сорок две кабины и мне нужна сто сорок третья. Двадцать лет мне снятся только кабины. Стандартные кабины. Кабины для инвалидов. Детские кабины. Модель «Солнышко»... Если завтра мои кабины перестанут приносить прибыль, – первое, что я сделаю, это лягу спать и просплю месяц. И только потом, когда выплусь, подумаю, чем заняться.

– И все-таки – чем же?

Миллионер закинул руки за голову.

– Наверное, уеду. На периферию.

– Ого, – с уважением пробормотал Савелий. – Вы бывали на периферии?

– Я везде бывал. Даже на Луне. А на периферии – тем более. Арендуешь три-четыре танка, берешь охрану – и поехал. А лучше – на вертолете...

– И как впечатления?

Продавец солнца встал, сунул руки в карманы халата и по-

смотрел на Савелия как на старого врага. Теперь он не выглядел самодовольным толстосумом, но и мечтательность исчезла. Савелий почувствовал угрозу личному психологическому комфорту.

– Если ты, – Глыбов ткнул в журналиста пальцем, – хороший журналист – а судя по вопросам, так оно и есть, – то прекрасно знаешь, что такое периферия. Ты спрашиваешь меня, Петра Глыбова, каковы мои впечатления от периферии? Ты бы еще спросил, каковы мои впечатления от могилы моего папы. Какие, черт возьми, могут быть впечатления?! Я видел огромные пустые пространства. Заброшенные города. Бескрайние поля, заросшие бурьяном. Там есть все. Банды дикарей. Медведи-людоеды. Язычники, которые молятся автоматному патрону, козьему вымени или, например, Великому Резиновому Противогазу...

Савелий вспомнил, что в лесах под Нижним Новгородом действительно есть община, где молятся Великому Резиновому Противогазу (костюмированное шоу для рискованных богатых туристов, прилетающих на собственных вертолетах), – и личный комфорт был восстановлен.

Тем временем Глыбов мрачно продолжал:

– Мой дед был военным человеком, полковником. Он часто говорил, что мы просрали свою страну. Теперь мне остается только повторить его слова. Он давно умер, мой дед. И это хорошо. Вовремя умер. Иначе он увидел бы, как китайцы в холодной Сибири выращивают хлеба в десять раз боль-

ше, чем выращивали русские в самые лучшие годы на самых лучших черноземах. Мы едим китайские яблоки и китайское мясо. Мы конченная нация. У нас был шанс, мы могли все исправить, даже после того, как полмира затопило. Даже после того, как впустили китайцев! Но трава нас доконала. Теперь людям совсем ничего не нужно. Они жрут мякоть стебля и смотрят «Соседей». Вы давно бывали на нижних этажах? Там, где вечная тень? Где выходят из квартир только для того, чтобы купить воды и позагорать в моих кабинах? Где женщины не рожают детей, потому что им лениво?

Савелий молчал.

– Вчера, – Глыбов медленно прохаживался перед сидящим журналистом, – мне звонили старые приятели. Мы вместе росли. Они рассказали, как возле дома, где я родился, бандиты повалили стебель. Толпа растащила триста тонн мякоти в полчаса. Арестовано пятьдесят человек. А еще у нас там теперь новая мода. Среди самой бледной молодежи. Криминальный альпинизм. Ночью забираются по стеблю на самый верх, чтобы отрубить верхушку – в ней самая сласть...

– Я слышал, – кивнул Савелий. – За последний месяц пятеро разбились насмерть. А вы, как я понял, не забываете товарищей своей бледной юности.

Глыбов кивнул и произнес словно нехотя:

– Всех, кто захотел, я давно переселил на сороковые этажи.

– А были такие, кто не захотел?

– Да. Мать до сих пор не хочет. Говорит, ей и так хорошо.

– Понимаю.

– Ни хера ты не понимаешь, – буркнул миллионер. – Там, внизу, особенно по окраинам, своя жизнь. Все бледные, все веселые. Молодежь, особенно парни, сплошь «друзья». Народ постарше – «соседи». Мякоть жрут килограммами. Самый шик – сырая субстанция, без всякой возгонки. Накидают в тарелку – и ложками... Я у мамы бываю раз в неделю. Темнота, грязь, плесень, все спят по четырнадцать часов. Продуктовые лавки заколочены досками. Канализация не работает. Потому что не нужна. Никто ничего не ест. Даже чай не пьют. Только воду. Бесплатную, государственную. Из-под крана. Вот о чем ты напиши. А то, – Глыбов покривился, – «серьезный журнал, важные темы»...

– На этажах ниже двадцать пятого, – спокойно возразил Савелий, – ничего не происходит. Вы сами сказали – люди спят по четырнадцать часов. О чем тут писать? Один мой знакомый когда-то в молодости собирался роман сочинить. «Бледные люди». Переселился на седьмой этаж – и сел сочинять.

– Сочинил?

– Нет. Я пришел к нему в гости через полгода после его переезда. Главная его забота была – раз в день ложечку мякоти проглотить. Он был довольный, счастливый, глаза блестят... Лицо цвета сырого цемента. Сальные волосы. С тех пор я его не видел.

– Вот и разыщи, – посоветовал миллионер. – И напиши о нем.

– Сначала о вас, – возразил Савелий. – Прошу прощения, но ваши слова про конченную нацию и страну, которую просрали, не попадут в текст интервью. Это чересчур. По-моему, у нас не все так плохо. Да, мы мало работаем. Да, нас осталось сорок миллионов. Да, быт травоядных граждан отвратителен. Но зато мы счастливы. Россия очень богата. Да, мы потеряли Петербург, впустили чужой народ в Сибирь, но у нас колоссальные территории на Луне...

– Болван, – грустно вздохнул Глыбов. – В Сибири текут реки. Там растут кедры, белочки по веточкам прыгают. А на твоей Луне уже десять миллионов лет – один только прах ледяной. И больше ничего. Я летаю туда каждый год. Летаю на китайском челноке. И гуляю по Океану Бурь в китайском скафандре...

– Но что здесь плохого? Они производят, мы – пользуемся. Они нам должны, а мы никому ничего не должны.

Миллионер презрительно кивнул:

– Да. Конечно. Знаешь что? Тебе надо залезть на батут.

– Зачем? – удивился Савелий.

– Попрыгай – поймешь, – с ненавистью произнес Глыбов. – В верхней точке прыжка ты испытываешь невесомость. Зависаешь на миг и думаешь: вот оно, так называемое счастье. Ты ничего не вешишь и никому ничего не должен. Ничего не должен, даже собственным весом не обременен –

хорошо, правда?

– Я слышу в ваших словах иронию.

Глыбов выпрямился и вздохнул:

– Тебе показалось. Еще вопросы?

– Вопросов много, но...

– Да, – перебил миллионер. – На сегодня хватит. Оставайся на обед. Будут девки. Группа «Стоки Блю» в полном составе.

– Благодарю. – Савелий покачал головой. – Я не любитель.

– Я тоже. Но девки забавные. У всех троих синтетические связки и гортани. У одной под Марию Каллас, у другой под Любовь Орлову, у третьей под Кристину Агилеру. Хорошо поют. Но самое интересное начинается, когда они не поют. Две родились на шестом этаже, одна – на седьмом. Очень веселые. Дуры дурами. Мякоть жрут три раза в день. Десятую возгонку...

– Десятую?

– Ну, или одиннадцатую.

Савелий покачал головой:

– Простите, но для поднятия настроения мне не нужны девки с синтетическими гортанями.

– А мне нужны.

– Вы не производите впечатления счастливого человека.

– Угадал, – широко улыбнулся Глыбов. – Знаешь почему? Потому что я не счастливый человек. В отличие от тебя.

– Много забот?

– Много, – скучным голосом ответил миллионер. – У меня на фирме, представь себе, люди стали пропадать. Бесследно. За полгода – трое...

– Известный феномен, – кивнул Савелий. – Эскаписты. Наш журнал писал об этом. Обрывают социальные связи, бросают семьи, переселяются на нижние этажи, заводят гарем из бледных женщин и погружаются в беспредельное травоедство.

– Это не эскаписты, – отрезал Глыбов. – Тех легко вычислить по сигналам микрочипов. А мои исчезли, как не было. Их сигналы пропали.

– Так не бывает.

– Бывает. Если выбраться за пределы Москвы. На периферию.

Савелий улыбнулся и встал.

– Человек из Москвы, – сказал он, – не способен жить за пределами Москвы. Каждого из нас на периферии ждет только голодная смерть.

Возвращаясь с интервью, он ощутил досаду. Покинул лифт на демократичном сорок пятом этаже, зашел в бар – пестрый, ярко освещенный (на средних уровнях тщательно культивировался так называемый «позитив», в моде были розовые ковры и морковного цвета мебель). Взял китайского фруктового пива. Отругал себя.

«Плохая работа. Никакого контакта. Я не понравился ему,

он не понравился мне. Сорокалетний сопляк переиграл многоопытного репортера. Я не задал и половины приготовленных вопросов. Не спросил даже про личную жизнь, а ведь официальная невеста Глыбова – звезда кино, несравненная Анжелина Лолобриджида. Продавец солнца вел себя так, словно все про меня понял. А вот я не понял ничего, уяснил только, что он очень богат, очень устал и полностью лишен персонального психологического комфорта».

– Вы позволите?

Савелий поднял голову и увидел маленького сухопарого человечка в мерцающем костюме. Наклонив голову немного вбок, человечек улыбался с преувеличенной сердечностью. Стол справа был свободен, слева – тоже.

Савелий спросил:

– Вы продаете или проповедуете?

– Ни то, ни другое. Но если вы хотите поговорить о Боге...

– Не хочу. Впрочем, садитесь. Одно условие: я сам угадаю.

Церковь Травы?

Человечек перетек в кресло напротив – столь ловко, что на его пиджаке не образовалось ни единой складки. Впрочем, пиджак мог быть пластмассовым.

– Не угадали, – ответил он.

– Тогда – Церковь Божьего Стебля? Или Божия...

– Нет.

– Неужели мне повезло и вы из этих... Из Последователей Иоанна Стеблежуха?

Человечек перестал улыбаться и поправил:

– Иоанна Стеблееда.

– Какая разница.

– Разница есть, – значительно, даже торжественно произнес собеседник Савелия и расправил узкие плечи. – Стеблежуй – персонаж комиксов. А Иоанн Стеблеед – или, правильнее, Стеблеядящий – существовал в реальности. Отец моего духовного наставника был его апостолом. Внимал, так сказать, учению из первейших уст.

– Интересно, – сказал Савелий. – И вы, значит, собираетесь предложить мне примкнуть к числу Последователей Иоанна Стеблеядящего?

– Нет. Я представляю Храм Стебля Господнего. Последователи Иоанна Стеблееда формально входят в наш Храм, но, по существу, являются отдельной конфессией. Есть... э-э... некие, так сказать, теологические расхождения... Впрочем, несущественные...

Сухопарый производил впечатление хитрого, но приятно-го существа.

– Что же вы замолчали? – спросил Савелий. – Проповедуйте на здоровье. У меня есть десять минут.

– Я неважный проповедник, – печально ответил сухопарый. – Кстати, я не загораживаю вам солнце?

– Нет.

– Одно ваше слово – и я немедленно удалюсь.

– Расслабьтесь.

Человечек наклонился и посмотрел в глаза Савелию:

– Как вы относитесь к траве?

– Как к растению.

– Отлично. А к тем, кто употребляет ее, так сказать, в пищу?

– Каждый употребляет, что умеет.

– А вы молодец, – восторженным полусшепотом заявил сухопарый и устроился поудобнее. – Ведь это благодать. Нельзя порицать такое. Наш Храм не порицает употребление травы. Но порицает тех, кто порицает употребление травы. Наша вера тверда, но, так сказать, свободна. Я, например, сам не употребляю, но супруга моя, между нами, – иногда, так сказать, любит...

– На каком этаже вы живете?

– Что?

Савелий ждал ответа. Сухопарый выдержал паузу и с достоинством объявил:

– Нас, последователей Храма, двести тысяч. И наш Храм, а также хранилище Великой Тетради и резиденции первослужителей расположены в башне «Процветание», на девяносто седьмом уровне. Что касается нас с супругой, то мы...

– Ладно-ладно, – разрешил Савелий. – Я не хотел вас обидеть.

– Пустяки, – вежливо ответил человечек. – Что вы знаете про Великую Тетрадь?

– Почти ничего.

Савелий тут же пожалел о сказанном, потому что Тетрадь, внешне имеющая вид миниатюрного пухлого томика, тут же была извлечена чуть ли не из рукава проповедника и аккуратно положена на стол.

– Здесь написано, – с достоинством пояснил сухопарый, – что Бог есть растение, а мир вокруг нас – результат его роста. Все мы суть листья на ветвях дерева Господня. Как сосна вырабатывает кислород, так Бог излучает любовь и благодать.

– Да. – Савелий кивнул. – А планета Земля суть ягода.

Проповедник по-девичьи всплеснул руками:

– Ни в коем случае. Считать планеты ягодами – опасная ересь. Вы, насколько я понял, находитесь, так сказать, в плену заблуждений. Надеюсь, что вы, изучив Тетрадь...

– Э нет, – перебил Савелий. – Так не пойдет. Насчет Тетради мы не договаривались.

– Вам нужно только, так сказать, прочесть – и вся ваша жизнь изменится.

– А я не хочу ничего менять, – с удовольствием заявил Савелий.

– Вы получите ответы на вопросы, которые беспокоят вашу душу!

– Мою душу ничего не беспокоит.

– Дьявол угрызает корни древа Божия. Приуготовляйтесь, ибо время близко. Ищите благодать под прямыми лучами желтой звезды.

– Аллилуйя.

Человечек бросил на журналиста нехороший взгляд. Савелий мысленно пожалел его, допил пиво и встал. Две тысячи лет уличные проповедники вынуждены решать одну и ту же проблему: обеспеченных людей вербовать выгоднее, однако их разум защищен; малоимущих – голодных и недовольных – уговорить легко, но они мало жертвуют. Кстати, этот дурак сказал, что штаб-квартира фанатиков устроена аж на девяносто седьмом этаже, в комплексе «Процветание». В одном из самых престижных зданий Москвы. Видимо, в Храм Стеблежуа заходят не только бледные граждане. Надо подбросить старику Пушкинову-Рыльцеву идею. Хорошая аналитическая статья. А лучше – цикл статей. С документальными репортажами по методике внедрения. Главное – не внедриться слишком глубоко, чтобы не повредился раскусок, как у Гоши Дегтя... Или как у Гарри Годунова.

«Странно, – подумал Савелий, – я ведь совсем забыл про Гарри. Двадцать пять лет не вспоминал, как парень с пятидесяти пятого этажа решил написать историю о парнях с пятого этажа. А сегодня вспомнил, дважды за полдня. Продавец солнца прав: надо разыскать Годунова. Не может быть, чтобы трава прикончила такого решительного человека. Глыбов, кстати, прав и в другом: глупо думать, что внизу ничего не происходит. Не все люди способны вести растительный образ жизни. Там у них свое брожение, «друзья», разврат, церкви божественной зелени. Сотни тем для журналиста; исследуй, предавай огласке...»

– Кто прочел Тетрадь, – поспешно заявил человечек, глядя снизу вверх, – тот спасется.

– Я уже спасен, – ответил Савелий.

Проповедник торопливо поднялся.

– Бог с вами, – тихо сказал он. – До свидания.

Савелий изучил узкую спину удаляющегося адепта Храма Стебля Божьего, его коротко стриженный ефрейторский затылок, посмотрел на книгу. Ее, разумеется, можно забрать – полистать на досуге, – но в переплет наверняка вклеен микрочип. Дотронешься хотя бы мизинцем – с личного счета пропадут деньги. Пусть несколько рублей – но все равно, будешь чувствовать себя дураком...

Савелий поколебался и вышел из заведения. Подарок оставил на столе.

День складывался неудачно. Шел к молодому богатею, чтоб услышать похвальбу и жлобские лозунги, а услышал монолог о проблемах бледных граждан. Присел в уютном баре, пытаясь обдумать провалившееся интервью, а пришлось иметь дело с полубезумным миссионером.

Немного поколебавшись, журналист повернул к мягко подсвеченной двери ближайшего экспресс-отеля, взял одноместный звуконепроницаемый бокс, разделся, принял ванну с тоником и полчаса повалялся на кровати из квазиживых водорослей, в тишине, расслабленный, в особенном мечтательно-дремотном состоянии – любимейшем своем состоя-

нии, когда вроде бы ничего не хочется, однако чего-то все-таки хочется, а чего именно – неясно, потому что хотеть вроде бы совершенно нечего.

Он не считал себя чрезмерно сытым и удовлетворенным жизнью. Он всегда чего-то хотел. То Варвару, то переехать на восемьдесят пятый этаж, то в отпуск на Луну. Вчера, например, ему весь день смутно хотелось совершить какой-то особенный возвышенный поступок или испытать некое новое оригинальное ощущение... А поздним вечером, перед тем как отправиться под одеяло к своей женщине, он выпил горячего крепкого чаю с лимоном и вдруг понял, что весь день хотел не особенного поступка или ощущения, а именно и всего-навсего крепкого чаю с лимоном, а потом залезть под одеяло к своей женщине.

Так или иначе, он пытался строить свою жизнь не на желаниях и мечтах о том, что будет, а на извлечении радости из того, что есть.

Но мечтать любил. О солнце, о долгой счастливой жизни, о детях, которых родит ему Варвара. Честные, здоровые мечты скромного мужчины, реалиста и практика.

Когда он начинал мечтать, его мечты всегда вращались вокруг простейших вещей, в любом случае достижимых. Мечтать о возможном – вот занятие, достойное мужчины XXII века. Это удобно, это никак не вредит персональному психологическому комфорту.

Сейчас он понял, что страстно мечтает пообедать, и ре-

шил немедленно воплотить мечту в реальность.

О богатстве, власти и славе Савелий не мечтал. Среди его друзей и знакомых никто не унижал себя подобными непотребствами. В эпоху всеобщего процветания, когда самый последний бледный травоед имел квартиру в семь-восемь комнат с телевизорами и бесплатными коммунальными услугами, богатство считалось прихотью. Капиталисты и бизнесмены, подобные Петру Глыбову, имели репутацию оригиналов, чьи мотивы мудрено понять. Богатых было мало, их жалели, как неизлечимо больных. Всякий ребенок знал, что зарабатывание и приумножение денег сопряжено с разрушением персонального психологического комфорта. К чему богатство, если никто никому ничего не должен и каждый процветает?

То же самое касалось и власти. Тотальный полицейский контроль, перекрестный видеомониторинг чиновничьих кабинетов, прослушивание телефонных переговоров и перлюстрация переписки уничтожили коррупцию задолго до появления Савелия на свет. Быть администратором, государственным служащим – от мелкого инспектора до премьер-министра – значило круглосуточно находиться под наблюдением, отчитываться за каждую невинную реплику, сказанную собственным детям. Государством управляли хладнокровные, лишённые фантазии флегматики, тщательно контролирующие все аспекты своей жизни, начиная от

выражения лица и заканчивая тем, чтобы количество съеденного за обедом примерно соответствовало количеству извергнутого через задний проход. Администраторы заступали на должности в тридцать, в сорок пять с облегчением уходили на пенсию. Законодательную власть узурпировали ученые: законы сочинялись в специализированных институтах и годами скрупулезно обкатывались на компьютерных моделях. Внутренняя политика изжила себя; демагоги, популисты, любители произнесения публичных речей и прочие дилетанты имели неограниченный доступ к максимальной аудитории – для них выделили специальный телевизионный канал, всегда имевший, кстати, постыдно низкий рейтинг. Игра в политику давно никого не интересовала, политика издревле считалась искусством возможного – в государстве, где все возможное уже сделано, политика выродилась.

Что до любви к славе, эту известную страстишку полностью канализировал проект «Соседи». Если сверхновая мегазвезда проекта, восемнадцатилетняя Анастасия Валяева, вызывала на дом педикюрщицу, на завтра об этом писали сто пятьдесят журналов общим тиражом в десять миллионов копий, и публика была счастлива узнать подробности жизни не самой Анастасии, недавно разрешившей установить видеокамеры в собственном биде, и даже не ее педикюрщицы – но мамы педикюрщицы, личного шофера педикюрщицы или парикмахера собаки педикюрщицы.

Всякий любитель славы мог подключиться к «Соседям»,

и мужу достаточно было поколотить жену, чтобы рейтинг трансляций из его жилища резко поднялся, не говоря уже о случаях, когда жена колотит мужа.

Давний лозунг Уорхолла о том, что каждый имеет право на свои пятнадцать минут славы, утратил актуальность. Теперь каждый в любой момент получал столько славы, сколько хотел. Первокласной и громогласной. Все желающие давно объелись ею; каждый Герострат давно поджег, что хотел; слава обесценилась и стала развлечением для малообразованной молодежи нижних этажей. Здравомыслящая публика семидесятых уровней, буржуазия восьмидесятых и элита девяностых вычеркнули славу из списка ценностей. В конце концов, русский поэт закрыл тему задолго до Уорхолла, сказав, что быть знаменитым некрасиво.

Шестнадцатилетние звезды, «соседи» и «соседки», окруженные папарацци и охотниками за автографами, в полутьме тридцатых этажей чувствовали себя королями Вселенной, — но, попав на семидесятые, держались скромно, их в любой момент могли поставить на место или даже не пустить в какой-либо уважаемый клуб или ресторан. Сам Савелий иногда наблюдал подобные случаи и даже посвящал им ироничные колонки. Журнал «Самый-Самый» был уважаем читателями как раз благодаря резкой критике тщеславия обывателей.

Обществом уважались совсем простые вещи. Юмор. Здоровый образ жизни. Безвредные хобби вроде разведения ак-

вариумных рыбок. Считалось шикарным заниматься искусством, коллекционировать редкости и поддерживать планы правительства по колонизации Луны.

Правда, и на Луне китайцы опередили всех – китайская колония была в десять раз крупнее русской и американской, вместе взятых.

...На выходе из экспресс-отеля, возле огромного рекламного экрана, где пляшущие буквы предлагали байкальскую воду, Савелия дожидалась приятная девушка в бледно-лиловом.

– Извините, – пролепетала она, – вы забыли это в нашем баре.

И протянула миниатюрный томик, подарок проповедника. Священную тетрадь.

Савелий рассмеялся. Отказываться было бессмысленно, книга принадлежала ему, это наверняка зафиксировало видеонаблюдение.

Он кивнул и сунул книжечку в карман пиджака.

Савелий мог принять приглашение миллионера Глыбова и пообедать с героем своего интервью. Может быть, это добавило бы интересных деталей в материал. Но журналист отказался. Во-первых, неизвестно, что предложил бы миллионеров повар. Вдруг жирное мясо? Во-вторых, еще не хватало взрослому дяде угощаться с руки сорокалетнего выскочки, выходца с девятого этажа. В-третьих и в-главных: Савелий по возможности ел в одиночестве. Любил есть и не любил отвлекаться.

Аппетит, правда, в последние годы исчез. Но есть мнение, что на шестом десятке, когда организм и его хозяин обо всем давно договорились, насчет аппетита можно уже не переживать.

Несколькими уровнями ниже он нашел подходящий ресторан. Не слишком дорогой, но с живыми официантами. Савелий, как все люди его круга, по идейным соображениям не посещал заведения, где прислуживали андроиды. Здравомыслящие граждане Москвы считали, что место андроида — не в ресторане, а там, где не способен действовать человек. В агрессивных средах. В космосе, в морских глубинах. Андроид, даже самый дешевый, не должен отбирать у человека рабочее место. Человечество создавало андроида двести лет — и создало отнюдь не для того, чтобы превратить в лакея.

Для стимуляции приятного чувства голода Савелий на четверть часа зашел в кислородную комнату, где было плюс двенадцать по Цельсию, и там основательно надышался и продрог (человек, пришедший с холода, ест охотнее). Пока мерз и дышал, обдумал меню. От жирного, разумеется, следует отказаться. Герц вздохнул. Недавно Варвара едко прошла насчет его фигуры. Без жирного, конечно, обед не обед. Как без жирного, если вся жизнь вокруг напоминает мастерски сваренную тройную уху в тонкого фарфора тарелке? Перламутрово-золотистую? Или же, допустим, обжигающую густую солянку с плавающими в ней оливками и маленькой долькой лимона.

Но Варвару надо слушать и учитывать ее мнение. Савелий давно уже понял, что не найдет себе женщины лучше, чем Варвара. В сущности, и без Варвары известно, что жирная пища вредит организму мужчины XXII столетия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.